

# **РОДИНКИ МАЛЫХ СЁЛ**

*(ИСТОРИЯ МАЛЫХ ПОСЁЛКОВ  
КРАСНОЗЁРСКОГО РАЙОНА)*

Я больше о деревне говорю,  
Я здесь живу, ей изменить не смею,  
Я с пастухами выгоню зарю,  
И вместе с ягодою покраснею.  
Деревне быть по времени иной,  
Но знаю, после переделок правых,  
Еще ей укрываться тишиной,  
И воздух пить настоящий на травах.  
По тропкам будет бегать мурава,  
Соперничая с босыми ногами,  
Грачам не потерять свои права,  
И речке выхваляться берегами.  
Младенцев sprysнет старая земля  
Своею тягой непреодолимой.  
И вся округа будет, как семья,  
Что мной так искренне любима.

**З.И.Безызвестных.**

*Фото №1. На току. Урожай 1955 года.*

### **Маленькие родинки сел**

Это только кажется, что история где-то складывается. Рядом, на улице-переулке, в целое путешествие можно окунуться в разговоре с одним человеком. И связь непременно обнаружится. Какая-нибудь: в схожести судеб родителей, деталей бытия.

То, что окружает нас сегодня, таким не было в начале столетия, которое мы покинули. У старожилов еще можно было уточнить и о конкретном селе, и сколько их было в Краснозерье.

Михаил Максимович Ненашев продиктовал по памяти почти все (как бы по зонам концентрируя). Бывший предрайисполкома, начальник райсобеса, фронтовик мог бы перечислить и названия колхозов. Но показалось интереснее узнать имечко каждой деревушки, как в глаза, заглянуть в оконца домов, язык людей услышать.

В районном архиве сверить полученный список оказалось не с чем. В музее дополнили. Деревушек пять дописали. А потом воспользоваться личным архивом разрешил И.Н. Бортников (будучи инструктором райкома, он, курируя вопросы истории района, кое – что собирал).

Так и появился этот список сел, год образования которых не всех известен. Все больше годы распада на памяти людей. Для многих звуки имени, как звуки разлуки.

То, что окружает нас сегодня, таким не было в начале столетия, которое мы покидаем.

Названия подбирались интересные. Многие, говорящие об истории. Исашино (старое название Осинников) – Исаки (ясаки?..) «Со времен Екатерины поселяне, как промысловики, от всяких налогов освобождались», - подсказывал М. М. Ненашев, узнавший когда – то об этом от глубоких исашинских стариков. Вполне вероятно, это

конец 1770 годов, и на картах Томской губернии в 1778 году Карасук (село на реке «с черной водой»), будущее Краснозерское, уже значилось. Существуют упоминания, что пугачевцы после подавления восстания искали укрытия в неизведанных Кулундинских степях при своенравных кочевниках. Кызыл – орда – один из казахских аулов, один из многих исчезнувших.

За столетие к 1892 году на территории Карасукского (Краснозерского) района около 10 тысяч человек поселилось, в т.ч. 735 жителей в Карасуке. И в те годы 1891-1892 неурожай и голод погнали людей из Украины, России, многие переселялись к осевшим здесь вдоль реки и у озер семьям. Переселению, кстати, способствовало строительство Транссибирской магистрали, Западно-Сибирской железной дороги (в 1910 г. появилась ст. Татарская, а в 1912 г. – ст. Карасук, в 90 верстах от нашего райцентра).

Ссылных направляли сюда. Бабушкан – это от фамилии ссыльного Бабушкина. Волна переселенцев в революцию 1905-1907 гг., скорее, выражает поиск людьми уголка поспокойней. А в 1917-20-е годы – земель хлебородных.

К 1916 году население района увеличилось до 20 тысяч (2612 – в райцентре). И получается, что колоски деревень складывались из разного приехавшего люда. И надо было «притираться», вживаться. И у каждого села проявлялся свой характер, свое обличие. И названия: Миленький, Дворянка, Колыбелька... По престольным праздникам: Успенка, Петропавловка. По имени основателей: Гербаево, Орехов-Лог, Чернаки. По местности: Полойка, Лодочное-Лотошное, и так далее. «Буденовки» по именам героев гражданской войны. «Целинные» - памятка освоения земель.

Разные по количеству семей: в Вендерихе три двора, в Волчьем Притыкино – 390 человек, в Песьянском 13 дворов. К 1924 году 40 населенных пунктов значилось, затем их стало больше, до 76 насчитывалось в 1970-е годы, до 46 тысяч человек населения.

## Села района прошлого века

Существующие	Исчезнувшие	Кол-во дворов. 1964г.
<b>с.Аксениха</b>		<b>145</b>
п.Ганино		<b>51</b>
	Николаевка	<b>30</b>
	Осинова Дубрава	<b>47</b>
<b>с.Веселовское</b>		<b>810</b>
п. Новый Баганенок	п. Бабушкан	<b>49</b>
	п. Новомосковский	<b>63</b>
	п. Первомайский	<b>64</b>
	Старый Баганенок	<b>76</b>
	п. Целинный	<b>39</b>
	п. Куренастый	-
	Кызыл - Орда	-
	п. Заячий. 1951г.	-
<b>с.Зубково</b>		<b>360</b>
ст.Зубково	п. Веселая Курья	<b>19</b>
с.Ульяновка	п. Михайловский	<b>42</b>
п. Успенка	п. Новотроицкий	<b>84</b>
	п. Разумовский	<b>33</b>
	п. Борисовка	-
	п. Ново-Зубково	-
<b>с.Колыбелька</b>		<b>326</b>
с.Локтенок	п. Урюпино	<b>73</b>
<b>с. Казанак</b>		<b>218</b>
<b>с.Конево</b>		<b>216</b>
п.Рямской	п. Рыбный	<b>36</b>
	п. Гутово	<b>44</b>
	п. Половинный	<b>46</b>
	п. Туркеевка	<b>50</b>
<b>р.п.Краснозерское</b>		<b>1302</b>
с.Гербаево	Павловка	<b>45</b>
п.Кайгородский	Семихатка	-
п.Успенский	Красный Маяк	-
п.Красный Хутор	Красный Хутор 1	-
	Буденовка	-
<b>с.Лобино</b>		<b>329</b>
п.Новолобинский	п. Афанасово	<b>166</b>
п.Палкин Водопой	п. Карасевский	<b>35</b>
	п. Шишики	<b>19</b>
	п. Раздольный	<b>46</b>

<b>с.Лотошное</b>		<b>405</b>
п.Новопокровский		
<b>с. Майское</b>		<b>301</b>
	п.Целинный	<b>31</b>
с. Чернаки	п. Беспятый	<b>102</b>
	п. Фроловка	-
	п. Сельковка	-
<b>с.Мохнатый Лог</b>		<b>364</b>
с.Петропавловка	п. Вендериха	-
	п. Ясная поляна	-
<b>с. Нижнечеремошное</b>		<b>330</b>
п. Осинниковский		
( Исашино)		
<b>п.Октябрьский</b>		<b>317</b>
п.Зеленая Роща	МТФ	<b>36</b>
п.Курьинский		
п.Степной		
п.Хабаровский		
<b>с.Орехов Лог</b>		<b>301</b>
п.Зуевский	п. Буденовка	-
	п. Нововознесенский	-
	Память Ильича	<b>40</b>
<b>с.Половинное</b>		<b>1051</b>
п.Голубинский	п. Белая Дубрава	<b>94</b>
п.Калиновский-2 двора		
<b>с.Полойка</b>		<b>504</b>
п.Ленинградский		-
п.Луговой	п. Волчье-Притыкино	
	п. Кулема	<b>80</b>
	п. Садомное	<b>64</b>
	п. Семеновичи	-
	п. Большевик	-
	п. Яровое	<b>26</b>
	п. Рыбный	<b>36</b>

п. Садовый	176
п. Целинный	67
п. Урожайный	82
разъезд Центральный	17

## УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ.

Имечко исчезнувшего поселка, как пароль. Не просто на пути на соленое озеро летом – но и на Бабушкан. Считай, дорога в минувшее, в быль наших бабушек. В тропках было легко запутаться, как в нитях бабушкиных клубков. Оказывается тесно, через человеческие жизни, завязаны судьбы трех деревушек: поселка Бабушкан, аула Бабушкан (или, как его еще называли, Кзыл-Орда) и Куренастовского. Все рядышком стояли на расстоянии 3 – 5 километров. Поселок Куренастый начало распадаться в коллективизацию, но совсем опустело в военные годы. Человек пять коренных куренастовцев до конца века дожили из 13 больших семей. У Семена и Марии Погребняк, например, было шесть дочек и два сына. Екатерина Семеновна и Меланья Семеновна в Черемошном живут. По словам бабы Кати, единолично жили, кто как мог, но нищих не было. Не ленились, стариков почитали. «Как не переедешь в Бабушкан, если уполномоченные забрали все туда, в колхоз. Коня, мешков восемь пшеницы, корову. У Наумихи горячий хлеб из печи вынули, взяли! Вот как хочешь, так и живи. Мама с тятьей в Бабушкан переселиться решили. Пустую хатенку помазали, подправили. Перебрались и все по работам разошлись, куда председатель Светашов пошлет. Сейчас оглянусь – страшно. А тогда вроде нормой считалось. Ведь ничего, кроме работы не вспоминается. Холодно, голодно, тяжело. Редкий год вспомнится, как на трудодни хорошо получили и премию. А война! А налоги! Мама, бывало, тятье говорит: «Гроши надо». – «На шо?» - «Та за Катю, за бездетность платить»».

Я не замужня была. Женихи-то все на фронте. Вот триста рублей в год и платила. А так принести дите – это ж позор, грех! Посмеемся, да и дальше работать. Может, потому и согнуло так к старости.

Но не все сдались, в колхоз подались. Три семьи в Куренастовском оставались, единоличниками. В том числе семья Садко. Наталья Захаровна и Анна Захаровна вручную землю тоже обрабатывали с родителями: «Раз все отобрали, лопатами да чекменями-мотыгами копали. Пшеничку, семечки, бахчу сеяли. А соберем – уполномоченный Нестеренко придет и, если не спрячешь, все заберет. Корову, было, завели, так мама молоко сдавать носила каждый день в колхоз. Чтобы нам показать, кто на земле хозяин, прямо у порога колхоз полосу засеял горохом. Потом отца забрали – налог, мол, не сдал – три центнера табаку. Так мы зимой 41-го и перебрались в Бабушкан в колхоз. А ведь и там жить не дали»...

Бабушкан, поселочек в одну улицу, возник при подселении приезжающих к владениям Бабушкина (так передается по памяти людей). Позже Прицепиловка даже появилась, махонькая улочка. Озера рядом, богатые камышом, потому и строили камышанки. Яков Федосеевич Сухосыр отменно и красиво крыл камышом крыши. У основателя (Бабушкина), говорят, была мельница водяная. Потом ветряки появились. Судя по архивным спискам, жили в поселке в основном украинцы: Пурденко, Мышко

7 душ, Крутей 10 душ, Козицкие, Шевкопляс, Ломако, Гречаный (дед Гречаный мудрый был советчик). Не более 70 дворов стояло.

Школу и клуб поставили колхозом. Один из родившихся там – Николай Сергеевич Лоза. Подростком арбузы таскал с огородов единоличников. А потом долго бригадирил. Убедился, что земля не ахти какая плодородная, но для скотоводства места подходящие. И сколько помнит себя, столько были наезды людей на соленое озеро. Лечились, кто на квартиру просился, кто прямо на берегу жил.

Зелени вокруг хватало. Еще кое-что в палисадниках посадили. Мазанки беленькие. Вроде веселый поселочек получился. В жизни вот только не до веселья. Лишь в колею колхозную вошли, самого активного сторонника коллективной жизни, Петра Федоровича Крутей, арестовали и в Славгороде, как потом узнает сын – Лука Петрович, расстреляли. И разъехалась большая работящая семья.

А там война вырвала мужиков-кормильцев. Из семьи Лоза трое воевали, один Василий вернулся и то без ноги. В одной семье мать двух девочек взяли в трудармию. Пока она там надрывалась, здесь девчухи умерли. И хоронили их зимой подростки. Как могли. Некому больше было. Всех и все поглощала работа на ферме, в поле. Весть о победе на полевой стан верховой привез. В 1968 году бабушканцы памятник выложили из кирпича между школой и конторой. На пирамидке табличка – 35 фамилий погибших.

Как говорится, оклематься не успел поселок, подул ветер неперспективности. Школу закрыли и потянулись люди, кто куда.

В соседнем ауле Бабушкан, или еще именуемом Кзыл-Орда (так записано в архивных документах), жили почти одни казахи. Фамилии тоже знакомые: Юсуповы, Кушкумбаевы, Исеновы, Кудаевы, Черезденовы. Старик Бакенов лекарем слыл. В тяжкое время молоко носил дочке Садко, выпоил, отходил. И как самые братские отношения помнятся, что существовали меж казахами и хохлами. Жили в землянках (с запутанным ходом в пристройках). И в подворных описях редко у кого огород числился. Коней, овец держали. Старик Хакимов умел гадать на бобах, в бедах шли к нему хоть что-то о родных узнать.

Хлеборобством колхоз не отличался. Но была там молотилка, еще кое-что из техники. Горючее для нее возила на верблюде женщина-казашка. Пара верблюдов имелась. Николай Лоза помнит: «Ходкие, быстро возили. Но пока из аула выедешь, он тебя оплюет как хочет».

И от этого поселочка ничего не осталось. Вытоптано на Бабушканах все скотом. Когда кладбище еще было целым, встречу как-то проводили земляки, а теперь и могилы сравниваются. Родной для многих угол осиротел.

Но печальней все же за людей. Приюта искали. Злобу не носили за все несостоявшееся. Под лозунгами о лучшей жизни на нервах и терпении преодолевали тяготы не герои – работящие люди. С одного места сорвало, с другого подхватило, как листву ветром. Но осталась любовь в душах к местам, где родились. Любовь и просветленная печаль их, как лучик в новое столетие.

### **3. Безызвестных.**

## «Частица сердца моего»

« Среди берез густых и колков,  
Среди полей, среди лугов  
Стоит село.  
Ох, как оно красиво!  
Частица сердца моего!»

Да, когда-то этот поселок стоял между селами Орехов Лог и Садовое, окруженный красивейшими колками, полями, колосящейся тучной пшеницей, лугами с медвяными травами, пестреющими разноцветьем.

Самые ранние мои воспоминания – это Буденовка (п. Буденовский) - так называли поселок и дети, и взрослые.

Одна улица, длинная, широкая, летом покрытая спорышом. А напротив дома бабушки Акулины Ивановны Коваленко под густыми березами прямо посередине улицы – колодец. Вода чистая, хрустальная, вкусная. По двум сторонам улицы дома, в основном пятистенки (так тогда называли домики из двух комнат), но в каждом таком доме жила семья, и семья чаще всего из 5 – 7 человек, а иногда и более.

Поселок возник во время коллективизации. Мой дедушка Леонтий Никонович был председателем Совета.

В первые же дни Великой Отечественной войны ушел на фронт. Воевал в кавалерии. Был ранен, контужен. Скончался от ран, контузии в 1946 году. Для меня дедушка – человек-легенда. Многие испытания выпали на его долю, но не менее трудную жизнь прожила и бабушка, Акулина Ивановна, ведь на ее плечи легла забота о детях и двух старушках: ее маме и матери дедушки. А ведь годы самые трудные: война да послевоенные.

В моем свидетельстве о рождении написано, что родилась я в с. Орехов Лог, но жили мы тогда, в 1950 году, в Буденовке. Мне, малой тогда, казалось все кругом так добротно, спокойно, а люди кругом добрые, свои. Вместе на работе и отдыхе. Моя тетя Надежда (Анастасия по паспорту) совсем молоденькой работала дояркой.

### **Фото №2.**

Слева направо: Антошина Нюра (возможно Анна), Коваленко Надежда Леонтьевна, Тищенко Надежда, Антошина Любовь, Соловых Александра, Пехенько Нина. А бригадир Щегорцов Владимир.

### **Из воспоминаний тети.**

«Вставали очень рано. Дойка в пять часов утра. Да еще летом ездили доить коров под Краснозерское. Там были летние выпаса. Ездили на грузовой машине. Пели всю дорогу. Напоемся вдоволь. Без песен – никуда. А вечером подоим коров и в клуб, в кино. После сеанса зажигаем лампу и – танцы. Это, примерно, 1956 – 57 г. Электричества еще тогда в поселке не было. Танцевали, плясали под баян. Хорошо играл напарник киномеханика Михаил Дзядзько. А плясал красиво, легко, по-цыгански Алексей Черепанов. Зажигал своими танцами всех. И звучал баян, и плясала молодежь почти до света. Как было весело!»



Мои дяди Анатолий и Леонтий работали шоферами. Целый день на работе. Приезжали усталые. Но как мне нравилось смотреть вечером у ворот, как дядя Лёня выходил со двора и шел по улице к клубу. Молодой, стройный, высокий, красивый.

### **Фото № 3. «Крестьянские дети»**

А у дяди Толи уже семья. Вот на завалинке Анюта (Галя), Катя, Любаша. Лакомятся горохом. «Крестьянские дети». Да, вот так босиком по травке, по земле бегали мы ребяташки.

Всем миром отдыхали. Выезжали на ярмарку в с. Краснозерское. Держались вместе, фотографировались.

### **Фото № 4. На ярмарке.**

Верхний ряд: отец, Литвинов Лазарь Леонтьевич, слева направо первый, мама и я внизу сидим. Мне лет пять (предположительно 1955-1956 г.).

Остальные односельчане. Я не всех помню, но хорошо помню: нижний ряд слева направо: Коваленко Валентина, Коваленко Андрей Корнеевич, Коваленко Василий Корнеевич, его жена Александра. Во втором ряду: второй слева Щегорцов Владимир и его жена Галина, урожденная Коваленко; верхний ряд: первый справа Ворошилов Михаил.

После укрупнения пос. Буденовский слился с пос. Зуевким. Стал один колхоз. Мой отец, Литвинов Лазарь Леонтьевич, был там председателем. Очень дружно работали сельчане, отлично. Отец был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Мы переехали в поселок Зуевский, но я больше жила у бабушки Акулины в Буденовке. Нравилось мне там. Родное все было.

«Малая родина – тот уголок,  
Ближе которого нет,  
Тот материнский ночной огонек  
Душу выводит на свет».

С большой теплотой вспоминаю жену дяди Толи Марию Андреевну. Своя семья большая, а ведь еще и я почти все время жила у них.

### **Фото № 5. Подруги.**

Тетя Маруся в центре. Красавица она у нас была. К сожалению, ее уже нет с нами. Слева от нее Пехенько Галина, а справа Коваленко (Филатова) Валентина.

В небольшом домике жила большая, но очень дружная семья. Помню: в кухне слева русская печь, занимающая почти четверть комнаты, за ней кровать, где спала бабушка с кем-то из внуков, дальше «грубка», так звали тогда печку с плитой, а справа под окнами широкая лавка на всю стену, стол, с другой стороны тоже лавка, чтобы все могли сесть. В углу бабушкина икона. В избе пахнет свежим хлебом. Бабушка сама стряпала хлеб. Булки большие, румяные и душистые. Но чаще вспоминается утро, когда бабушка топит русскую печь, печет «перепички» на сковороде и варит суп с голубями. Казалось, ничего вкуснее нет!

Я убежала от отца и пряталась, когда он приезжал за мной, чтобы забрать домой в Зуевку. Он уезжал, а мне радость: я дома.

Когда мне исполнилось 7 лет, мы переехали в Половинное, но каждое лето, каждые каникулы я жила у бабушки. (К тому времени произошло еще одно «укрупнение» и теперь Зуевка, Буденовский и Орехов Лог стали одним колхозом.)

Здесь было раздолье. Щавель и ягоды рвали прямо за огородами.

Бабушка в этом же лесу на полянках косила траву. Сено было душистое – разнотравье. Купаться бегали на пруд и Пехенькину лягу. Она была окружена лесом,

по берегам росла смородина. Мы рвали ее и ели. Вкусно! Тогда ведь не у всех дома были сады. Когда приходило стадо, хозяйки доили коров и несли молоко на молзавод. Там молоко пропускали, а обрат несли домой. Потом мы бежали в клуб, в кино, которое привозили из Орехова. Играли все вместе, и большие девочки, и маленькие.

**Фото № 6. «Девочки – подружки. 1963 год».**

На этом фото мои подружки. Первый ряд слева направо:

Зина Локтионова, Катя Коваленко, Надя Бондаренко, Валя Деккер.

Второй ряд:

Аня Пехенько (Ляликова), Лида Литвинова (Григорьева), Маруся Коваленко, Галя Ковленко, Люда Садко.

Сфотографированы мы на фоне домика, где жили Новосельцовы, родители Федора Филипповича Новосельцева.

А потом так сложилось, что люди стали уезжать из села. Закрыли школу, клуб, магазин.

И вот нет села! Да, люди переехали, но сколько корней и корешков вырвано!

Мне часто хотелось побывать там и увидеть, что стало с таким прекрасным уголком. Как-то разговорилась с Катей (Коваленко – Харченко) и я сказала ей о своем желании. А она ответила, что ехать туда не надо. Они ездили на те места по ягоды, рвали прямо на огородах (бывших), а там брошенные дома с пустыми глазницами окон, и ветер гудит, усиленный сквозняками. Жутко.

Сейчас мне 58 лет. Иногда мне снятся сны – воспоминания: улица, которой нет; дом, которого тоже нет; и бабушка Акулина, которой тоже нет с нами. Становится больно.

Больно было видеть остовы домов, погребов, когда многие сельчане съехались на праздник уже несуществующего села. Ничего нет, только деревья: березы, осины, да там, где были дома – тополя, клены, яблоньки. А вот стояли стены, а из них... лес. Молодые березки и клены, огороженные стенами дома, вместо девочек и мальчиков, которые могли бы жить здесь. Больно было видеть это, и до сих пор стоит эта картина перед глазами.

Да вот еще за леском – погост. Те, кто там, не смогли уехать в другие села, города. Они навечно там, где жили, радовались и горевали. Они укажут место, где был поселок Буденовский.

«Мы бы никудашними стали, пожалуй,

Если б не были слиты душой

Той единственной родиной малой,

Где начало Отчизны большой.

В неизвестную даль издалека,

Убегает речная вода,

Но теперь без родного истока,

Ей рекою не быть никогда».

«Малая родина – тот уголок,

Ближе которого нет,

Тот материнский ночной огонек

Душу выводит на свет». (Из песен).

Л. ГРИГОРЬЕВА (ЛИТВИНОВА) при содействии родных ОЗЕРНОЙ Н. Л.,  
КОВАЛЕНКО А. Л., РЕПАЛО Л. А.

## ДЕТИ ВОЙНЫ.

Воспоминания Литвиновой (Коваленко) Марии Леонтьевны

Родилась я 5 июня 1928 года в с. Орехов Лог. Семья проживала в колхозе им. Буденного, в нескольких километрах от села Орехов Лог.

Колхоз (коммуна – называли тогда) был только что организован. Перед войной семья была большая: было четверо детей и две бабушки: мама отца и мама матери.

А 22 июня началась война. Отец был председателем колхоза, но в первые же дни войны даже без повестки, одним из первых отправился на фронт. Служил он и в гражданскую в армии Буденного. Имел какое-то командирское звание. И по предписанию в военном билете должен был по объявлению войны сам явиться на сборный пункт в Карасук. Первым из односельчан он и уехал. А потом были доставлены повестки.

...И стали мужчины и молодые ребята уходить на фронт. В деревне остались женщины, старики и дети. Наша большая семья осталась на попечении матери Коваленко Акулины Ивановны. Работала она в колхозе дояркой. В сентябре я еще пошла в школу в 5 класс, а ходить надо было в Орехов Лог. Но зимой школу пришлось бросить. В семье стало голодно, и матери пришлось взять самое ценное в доме и поехать в другие деревни менять на продукты.

На этой фотографии наша семья уже в послевоенные годы. У меня на руках моя старшая дочь Лидочка, Маминых коров доить я не могла, а вот за телятами ходить меня поставили. Теляток было 46 голов. За ними надо было ухаживать: почистить и вывозить навоз, поехать на сеновал и привезти корм – сено, солому, натаскать воды и напоить их. И так ежедневно к 6 часам утра надо было быть на ферме. Часов не было. Бабушка будила и приговаривала: «Пора, моя девка, уже Волосожар повернул на утро». Так работала, пока не возвращалась мать. Уезжать ей приходилось несколько раз. Я была ее подменной.

Весной телят выгоняли на пастбище, а нам приходилось идти в бригаду на пашню. Пахали, боронили на бычках, впрягали их в плуг, в бороны, работали под присмотром стариков. Одна ведет быка, другая подгоняет, а третья идет за плугом. Вот так проходила весна. А летом – сенокос. Теперь надо было на волокушах подвозить сено, кидать на стог. А осенью возили пшеницу, скирдовали (складывали в скирды), чтобы зимой ее молотить. Была работа нам, девчонкам, и зимой. Надо было помогать старшим, молотить. Откидывали солому, убирали. Надеть особенно было нечего, вот и обмораживались. Все морозы были очень сильные.

Все старались, работали, не жалея сил: ведь все шло на фронт, а там ведь отцы, братья, родственники.

А в деревне свирепствовал голод. Зерна выдавали очень мало, картошка и та плохо родила почему-то. Мололи лебеду, пекли лепешки. У кого были в хозяйстве коровки, тем было чуть легче, но все же, у кого семья большая, очень голодно. Многие остались без кормилиц – коров – порезали и съели. Скотина тоже дохла от бескормицы. Ели даже такое мясо павших животных...

Мой брат Анатолий был моложе меня на 5 лет, но ему нужно было заботиться о корме для коровки. Сшили из рядна наволочку, и он на саночках привозил сено или солому. Брал это на полях, где оставались клочки от стогов. Чаще приходилось ему идти на поля к селу Садовое. Там мужчины и женщины возили сено с полей и ему накладывали, привязывали на саночки наволочку, и он тащил это домой. Корову не

сбивали, т. к. было двое маленьких детей. А Галя, сестра моложе меня на три года, была дома с малышами. Кормила их, следила за ними, стирала, помогала бабушкам по дому.

В 1942 году весной пришел по ранению домой отец. Но ранение было серьезное. Мама залечила рану, и в 1943 году отец снова ушел на фронт. А в семье появился пятый ребенок, которого называли в честь отца Леоном, хотя все звали Лёничкой.

Теперь надо было работать постоянно: семья прибавилась. В 1943-44 году с подругой Новосельцевой Полиной набрали группу телят (голов 60). Возили воду в бочках, поили, кормили в базе. Старались сохранить всех, чтоб не пали. Выходили всех, и нам дали премию – по овце.

Очень тяжело было и голодно, хотя, конечно, стрельбы и взрывов мы не слышали. Но слышали страшный плач женщин, детей, когда приходили похоронки. Очень многие мужчины не вернулись в село.

Однажды по деревне проскакал верховой, остановился посреди деревни (а в деревне было дворов 46 – одна прямая широкая улица) и закричал: «Победа! Война кончилась!» К нему бежали и стар, и млад. Все кричали, смеялись, плакали.

Собрали обед просто посреди улицы. Все несли из своих скудных запасов, кто что мог.

Те, у кого родные были на фронте, но живы, пили за здоровье, за Победу. Те, кто получил похоронку, вместе со слезами пили за Победу и за упокой.

Стали возвращаться домой фронтовики. Отец пришел в 45 году, но был ранен, контужен и с постели уже не вставал. Умер в 1946 году. В семье так и не стало мужской поддержки. Брату Анатолию было в это время всего 13 лет, а Лёничке – 3 года. Вот и все мужики.

Война закончилась, но в школу я так и не вернулась. Семья была очень большая, надо было работать, помогать матери поднимать малышей.

#### **Фото № 7. Семья А.И.Коваленко.**

Это семья Акулины Ивановны Коваленко в послевоенные годы. Пятерых детей подняла она. У меня на руках старшая дочь Лидочка, Надежда, Леонтий (Леней звали), Анатолий (первый слева) и Галина (Анна).

### **Воспоминания о поселке Гутово.**

#### **Фото № 8. Семья Завориных. 1985г.**

Каждого человека тянет туда, где он родился, где сделал первый шаг, осознал себя. Вот и я всегда стремлюсь побывать на том месте, где когда-то был мой родной поселок Гутово, где стоял родительский дом, где жили замечательные люди – мои земляки.

Уже и проселочные дороги к бывшему поселению заросли травой. Но еще издали угадывается, узнается то место, где стоял наш дом. Там до сих пор шумят летом старые тополя, посаженные еще моими родителями, и молодые, которые сажали мы, тогда еще дети. Смотришь на них и замираешь в ожидании, что вот-вот под сенью этих тополей покажется крыша нашего дома, но, увы – уже никогда не увидишь этой крыши, как и крыш домов моих односельчан.

Я не знаю, в каком году образовался поселок. Моя бабушка Агриппина Егоровна Заворина (урожденная Гутова) родилась в 1900 году. Ее родители и деды проживали здесь. По крайней мере, она не помнила, откуда прибыли наши предки. Она говорила, что мы жили здесь всегда.

В небольшом поселке было около 30 дворов. Единственная улица протянулась от оз.Космолинского почти до оз.Ботиково. Рядом протекала речка Шагалка, которую летом местами можно было перейти вброд, а в половодье она разливалась, и вода доходила до огородов. Вокруг были луга, поля, березовые и осиновые колки. Это были настолько ягодные и грибные места, что только совсем ленивый не запасался ими на зиму. Наша бабушка лучше многих знала все грибные и ягодные места. Летом почти каждый день пешком ходила в «степь» - так говорила она. И мы, ребятишки, ее внуки, всегда первыми лакомились дарами леса и поля.

Наша семья Завориных состояла из 9 человек:

Мама - Нина Ивановна, (урожденная Миронова) работала в Коневском отделении связи. Она доставляла почту в поселок. В любое время года, в любую погоду каждое утро она запрягала лошадь и ехала в Конеево, а это 15 километров. Она возила не только почту, но, по необходимости, все, что было нужно для жителей деревни: это и хлеб из пекарни, и бидоны с молоком в Коневский молокозавод, и выполняла заказы своих соседей в приобретении товаров в Коневских магазинах, и привозила пенсии. В общем, осуществляла связь жителей поселка с центральным селом Конеево и пользовалась их полным доверием. К ней всегда приходили ее подруги, ее кумушки (а их было половина деревни) поговорить, за советом. Она была очень общительная, доброжелательная. Все хозяйство, заготовка дров и сена были на ней. Она не боялась никакой работы. И еще она очень любила петь. Сколько она знала частушек! Уже, будучи в пожилом возрасте, она ходила в художественную самодеятельность в с.Баклуши, куда они переехали из пос.Гутово.

Папа - Николай Александрович, участник Великой Отечественной войны, участник боев с японскими милитаристами, имел награды за победу над Японией. Работал бригадиром Гутовского отделения, одно время работал председателем Коневского сельского совета, затем опять бригадиром и комбайнером. Он был рыбаком и охотником. Благо озер и охотничьих угодий вокруг было достаточно.

Бабушка Агриппина Егоровна занималась домом, огородом и внуками. Она была замечательная рукодельница. Она и шила, и вязала, и вышивала. Рассказывала, что с 8 лет ее посадили за прялку. Сколько же она за свою жизнь напярля ниток! Наверное, не одну длину земного экватора. Зимой дома ставила ткацкий станок и ткала шерстяные коврики и дорожки. В это дело обычно включалась вся семья. До сих пор служат и радуют нас эти изделия.

Трудную жизнь прожила наша бабушка. Она помнила и рассказывала нам и о становлении советской власти на селе, и о непомерных налогах, и о коллективизации, и о трудных годах войны, когда в деревне остались женщины, старики и дети. Деда нашего Заворина Александра Титовича призвали на фронт в 1942 году, Ему было 42 года. В том же году ушел на войну и мой отец в 18 лет. Только разбросала их война в разные стороны. Дед воевал на Западе. Писем от него пришло совсем немного, а потом было извещение «Пропал без вести» Позже мы пытались делать запросы, чтобы узнать: как погиб, где захоронен, но кроме подтверждения, что пропал без вести, ничего не получили. Ну а отец всю войну с 1942 по 1947 год был на Востоке. Как жила в военные годы семья моей бабушки? Да как и тысячи вдов и солдаток – в труде, горе и нужде. Мои тети Мария и Зоя – папины сестры вместе с бабушкой работали в колхозе. Выполняли самую трудную работу, а вечерами и ночами надо было управлять с домашними делами. Чтобы выжить, надо было вести еще и огород, и хозяйство. Да и за детьми надо было присматривать. В семье было еще две девочки

Полина 1933 года рождения, а самая младшая папина сестра Зинаида была 1941 года рождения.

Семья моей мамы тоже жила в Гутово. На войне погибли и ее отец (наш дед) Миронов Иван Степанович, и брат Федор, которому было всего 18 лет. Мамина сестра Лидия работала в г. Новосибирске на военном заводе, а мама и наша бабушка Миронова Степанида Вавиловна работали в колхозе.

В 1947 году мой отец вернулся домой, и в этом же году они с мамой поженились. Мама пришла жить в большую семью Забориных, где кроме папы, бабушки и мамы было еще четыре сестры отца. Жили в послевоенное время трудно. Работали все в колхозе, ничего не получая за свой каторжный труд. Питались тем, что выращивали в своем огороде. А уж одевались...

Моя тетя Полина рассказывала что носила платье тканое из коровьей шерсти. О белье и речи не было. А ведь девушкам так хотелось красиво одеваться. 14-летней девочкой моя тетя Полина устроилась возить молоко на маслозавод в соседнюю деревню Карево. Вечером после дойки на телегу грузили фляги с молоком, она запрягала быка – и в путь. Получалось, что ехала уже ночью. Каково было молоденькой девушке ночью на дороге? В те годы много было волков в наших лесах. Не однажды видела она их на дороге, иногда они сопровождали ее до деревни – бежали вдоль дороги. И боялась, и плакала, и кричала, а чаще всего читала молитву. Есть такая молитва от волков. «Бог миловал, ни разу не напали», - рассказывала она. Но работу свою не бросала – здесь ведь зарплату давали. С первой же полочки купила себе ситцу на платье - радости было! Потом и сестрам покупала одежду, а брату (моему отцу) даже купила пальто. Не знаю, может быть следствием этих ночных поездок, может еще что, но моя тетя стала седой очень рано.

Со временем тети повыходили замуж, разъехались, но семья не становилась меньше.

В 1949 году родилась моя старшая сестра Галина. А потом в семье почти каждые два года рождались дети: я – Людмила в 1951, Вера - 1955, Александр - 1957, Евгений - 1959 и Зинаида - 1962 г.р. В то время большие семьи были не редкость.

Говорят, что воспоминания детства самые яркие. Наверное, это так. Я постоянно прожила в поселке всего-то лет 10. После окончания нашей малокомплектной школы пришлось уехать из дому, чтобы учиться дальше. А потом учеба в педучилище, распределение на работу, замужество и отъезд на Дальний Восток к месту службы мужа. На свою малую родину приезжала только в отпуск и то не каждый год. Когда я вернулась, моего родного поселка уже не существовало, и жители его перебрались кто куда. Но время от времени навещаю малую родину. С тихой грустью, идешь по бывшей улице и, по каким-то едва заметным признакам, узнаешь, где стояли дома моих бывших односельчан.

Здесь жила моя тетя Полина с мужем Кузьменко Михаилом Федоровичем, дочерью Ниной и сыном Николаем. Михаил работал в совхозе на разных работах. Он был и пастухом, и чабаном, зимой работал на ферме скотником. Замечателен он был тем, что обладал большой силой и работоспособностью.

Вот место, где жила семья Петра Григорьевича и Марии Михайловны Третьяковых. У них было семеро детей. «Тетя Маня» - так все ребятишки называли Марию Михайловну. И, наверное, не было в поселке женщины добрее ее. Она много лет работала техничкой в нашей малокомплектной школе. И всегда каждому из ребятишек у нее находилось приветливое, ласковое слово. А еще - она замечательно

пела. Ее песенный дар унаследовали дети и внуки. Особенно хорошо играл на баяне и пел сын Иван. У него в семье 11 детей. И почти все они отлично поют.

Друзьями детства были ребяташки семьи Екатерины Игнатьевны и Александра Трофимовича Бояркиных: Иван, Анатолий, Василий, Владимир и Надежда.

Рядом с Бояркиными жила семья Хохловых. Александр Хохлов работал конюхом. Это самая последняя семья, которая покинула родной поселок.

А здесь была школа, много лет учительницей работала Бровина Галина Сергеевна. Теперь она, ее муж Николай Матвеевич проживают в с.Половинное.

Рядом – клуб и контора. В клубе хозяйничала техничка тетя Нюра (Анна Павловна Бояркина). Не было культорганизатора в селе. Вот тетя Нюра и заправляла в клубе. Она открывала и закрывала клуб, дежурила на танцах, могла усмирить любого, кто нарушал порядок.

В конце улицы почти у самого озера жил дед Степан Егорович Гутов - заядлый охотник и рыбак. Это был родной брат моей бабушки Агриппины Егоровны. Его дом был своеобразным клубом, где часто собирались мужчины всего поселка, чтобы послушать нескончаемые байки старого охотника, самим рассказать были и небылицы. В его доме было очень много чучел зверей и птиц, которые сделал он своими руками.

У бабушки была еще сестра Наталья Егоровна Сердюкова. Она жила в семье своего старшего сына Павла. Их дом находился по соседству. У нас был общий колодец и баня. Позже, когда бабушка Наталья переселилась к младшему сыну, а семья дяди Паши переехала в другое место, в их дом переселилась семья моей сестры Галины. В то время она уже вышла замуж за местного парня Ставного Михаила. Она работала дояркой на ферме, а Миша - на тракторе «Беларусь». Все их шестеро детей родились в этом доме. Сейчас Галина и Михаил уже на пенсии, живут в Конево, их дети выросли, четверо живут в нашем районе, а двое младших на Севере.

Еще моих две сестры Вера и Зинаида, брат Александр живут в с.Баклуши Доволенского района. Сестры работают в детском саду Вера воспитателем, а Зина поваром. Сын Веры Юра и дочь Юля живут в Новосибирске, а старшая дочь Наталья – в Гурьевске Кемеровской области. У Зины дочь в Ханты-Мансийске, сын живет в Баклушах. Александр работает электриком. В его семье две взрослые дочери Лена и Юля. Брат Евгений, как и я живет в р.п.Краснозерское. В его семье двое детей Олеся и Саша. Олеся живет и работает в г.Новосибирске, а Саша пока с родителями.

Еще одна семья Сердюковых жила в поселке. Глава семьи - уважаемый человек в поселке Михаил Григорьевич – ветеран войны, работал многие годы кузнецом, хотя у него были покалечены кисти рук. У них с женой Верой Михайловной тоже было много детей. Старший сын Александр с семьей жил тут же по соседству. Другие дети разлетелись по всей стране. Сейчас в живых осталась только младшая их дочь Зоя.

В поселке жили еще семьи Устюжаниных Ивана Андреевича и Зои Прокопьевны; Кислицина Татьяна Яковлевна, Бобровские Иван Тимофеевич и Елизавета, Ликоренко Михаила Ивановича и Таисии Филипповны, Токаревы, Щаповы, семьи братьев Гутовых: Николая Филипповича, Владимира Филипповича, Леонида; Битюцкие другие.

Это были обыкновенные работающие люди. Нет данных о том, что кто-то из выходцев нашего поселка стал знаменитым. Люди здесь просто жили: работали, рожали и растили детей, старились. Многих из них уже нет на этой земле. Но мы,

оставшиеся, должны помнить этот маленький участок земли, где мы родились, где жили наши предки.

**Слугина (Заворина) Л. Н.**

*Фото 9. Механизаторы п.Гутово.*

*Фото №10.Первый мотоцикл.*

## **КАЛИНОВКИ ПРЕКРАСНЫЙ ГОЛОСОК**

*Фото №11. Жители Калиновки - семья Мазук.1959г.*

Чистый, тихий звук пустеющего поселка тает в храме вечности. Калиновка еще дышит краешком одной улицы. Другая раскорчевана, распахана, и стоят на том месте колосья пшеничные плотной стеной.

Красивой души люди были, назвавшие место поселения Калиновкой. Рядом озеро Лебяжье, подальше – болотце Ракиты и ляга Широкая.

По одной улице (от Лебяжьего) осели Лымари, Ляшенко, Резник, Бондарь, Мирошник, Налесники, Журбенко. Тимошенко - по семье на каждой улице. Богатыри тоже и Белоусы, Полстян -две семьи. На другой улице: Грицан, Мазук, Тараненко, Гордиенко.

Все выселялись из Половинного поближе к земельным наделам в 1928 году. Кто камышанки, кто землянки строил, кто и дома перевозил. У Гордиенко Григория и Ульяны дом деревянный, но под соломенной шапкой. А у одного (не то Масюк, не то Соловьев) под железной крышей, что и стало поводом к раскулачиванию. «В нем потом школу откроют», - неспешно вспоминал Василий Григорьевич Гордиенко.

По другой же версии, изложенной в тетрадке истории села, которую писала учительница Валентина Ивановна Бакланова с учениками, школу построили в 1929 году, первыми учителями были Ершов и Полянский. А ликбезом, взрослых занимались Елена Мирошник и Белоус София.

К 30-му году стоял поселочек в 70 дворов. Выходцы из Украины вносили в уют яркие рушники, в будни – красивые песни, юмор – в обыденность. «Ну - ка, кумка, не журись...».

Леонтий Ильич Мирошник – участник первой мировой, в плену был. Пока добирался, лавируя меж «белыми» и «красными», домой, да потом переселялся в Калиновку, насчет раскулачивания брата услышал. Как много повидавший, посоветовал Якову на семейном совете уезжать. Оставил тот лошадей и махнул на Ростовщину, где и дожил до старости.

А Леонтий Ильич с Еленой Ильиничной работали не покладая рук, детей растили и, по словам сына, Николая Леонтьевича, скудно было в землянке.

Работающие, дружные семьи калиновцев помнятся многим. У каждого двор, огород, колодец. Были баньки. А за огородами поля. Единолично почти и не работали на земле. В 30-м уже колхоз организовался, «Сигнал» назвали.

Уклад калиновцев был прост. Старики не помнят скандалов, дебоширства. Зато помнят, что была «сборня» (как стол находок). Подобрал чужое – принес туда. Не



помнят, чтоб запивался кто до одури. Зато помнят, как дед Грицан приютил в полной избе еще трех внуков.

В воспитании ребятни «березовая каша» не исключалась, но взрослые позволяли себе крепкое словцо употребить только тогда, когда детей рядом не было. И позор был тому, кто не «поздоровкается».

Помнят, как братья Богатырь засыпали после трудового дня по – богатырски на досках (каждый вечер в тесной хате для пяти молодых стлали нары и прикрывали рядом). А какими гармонистами были Левка и Яшка Тимошенко. Какими удачливыми охотниками слыли И.Ф. Бабич и С.С. Скляр.

Все характеристики калиновцев в разговорах начинаются с одного: «Работяги». Из этого колхоза никогда знамя не выходило, по молоку, по хлебу планы перевыполняли. На конной пахоте Моисей Коваленко, как ударник, материю на штаны в премию получил.

На новых землях при усердии людей, напряжении их сил и сил живого тягла урожаи радовали. Росли овощи, бахчевые. А пшеница стояла стеной. «И когда бросишь фуражку, она плывет, как по морю, и не тонет, качается на крепких колосьях», - записано в тетрадке воспоминание С.А. Харченко, бывшего председателя.

Это потом, в конце 30-х, появятся молотилки, трактора. Бригадиром тракторного отряда был Мазук Афанасий. Первым комбайнером – Мирошник Иван. За хорошую работу на выставку достижений народного хозяйства в Москву направлялись доярка Е. Богатырь, чабан И. Белоус.

Ивана Максимовича Мирошника мотоциклом наградили. На нем он уезжал, когда на фронт отправлялся, на войну.

Мужчин заменили пацаны. Василий Гордиенко – 14-летний кузнец (и ведь останется им на 30 лет, сколько всего перекует из орудий крестьянского труда!).

Из каждого, считай, двора проводили солдата калиновцы. Затосковали песни над полями: «Нэма того козаченька, шо я полюбила».

Не всем повезло, как четверем братьям Коваленко, раненые, но все вернулись. Из семи Белоусовых трое погибли. А Антону Ивановичу присвоено звание Героя Советского союза.

Кирилл Коваленко Берлин брал. Имена 32 калиновских солдат занесены в Книгу памяти Краснозерского района.

А в памяти сердца изматывающая работа, дружба и доброта.

В Калиновке немцы из Поволжья появились. Осенью. Расселили сначала по семьям. «А потом землянки многие поделали. Ступеньки вниз, дверь, потолок на жердях. Мне, пацану, интересно было к ним ходить. Мастеровые все люди. Их не обижали, - вспоминал Н.Л. Мирошник. – А потом, помню, в августе 45-го вернулся наш Иван. Вечером уже полуторка подъехала. Он спрыгнул, в избу зашел. Мать в слезы, а мне интересно, какой он – солдат».

В селе ребятня подросла, не помнящая отцов. И когда стали возвращаться мужчины, пацаны головоломки матерям подкидывали: «Мам, мама! У Лымаря папка пришел – так он – мужик. А наш какой – герой, большой, как хата?».

Дружба, песня и надежда помогли превозмочь все тяготы. А еще мудрость председателя Харченко. Сидор Александрович 15 лет председательствовал, в самые тяжелые – в сороковые-пятидесятые. «Ничего, всем коллективом как –нибудь выстоим», - утешал он в горе.

Возвратившиеся фронтовики пополняли бригады. А женщины по-прежнему - от темна до темна все на поле да на ферме. Любовь Федоровна Федоряк, дочь погибшего Федора Тараненко, помнит те вечерние сумерки, когда ждали мать с работы. По песням, по голосам отгадывали, на какой подводе мать подъезжает. Помнит, как хотелось наестся настоящего хлеба.

Еще память добрая о Губском Никите Митрофановиче, председателем тоже был и хорошим садоводом. Ребятня в сад иногда залазила, шкодила. Так он пришел к Тараненко, сказал, чтоб атаманша-Люба привела всю ватагу срочно в сад. Пришла ребятня, а он им нарезал дынь-арбузов: ешьте, сколь хотите. А еще дал с собой: какую унесешь. Только запомните: воровать и ломать – последнее дело.

Калиновка трудолюбивыми славилась. Василий Полстян – комбайнер, Моисей Богатырь – водитель, И. С. Белоус – бригадир. Сорок лет шоферил Николай Тараненко, всех успевал возить: и доярок, и учеников, и полеводов, и больных. Медпункта в Калиновке не было никогда. Детсад был – Еня Пивоварова там работала. Работающими оказались Виктор и Владимир Брендели. Иван Петрович Крейс (поднявший Голубинское) – управляющий, Василий Глок – столяр...

«Если б не было войны, калиновцы крепко б жили. До войны уже три свои полуторки колхоз заимел,» - говорили Василий Григорьевич и Любовь Федоровна Гордиенко.

Молодой кузнец первым велосипед купил за 8 центнеров пшеницы, что на трудодни получил. Первый ламповый приемник П. Т. Петренко привез. Из местных пацанов никто в глаза говорящего чуда не видел. Смотрят на контрольную лампочку: «Э-э, да там много серянок (спичек)». Прислушались, ощупали, вокруг обошли. «Та где ж та дверь, куды воны заходят?».

А старшим радио запомнилось по другому случаю. В день похорон Сталина собрались все в доме у Николая Тимошенко, слушали, плакали. «Да шо ж будэ...».

Солнце взошло, как прежде. Сев, сенокос, жатва...

Как подсказывает Валентины Ивановны тетрадошка: укрупнение колхозов прошло.

1957 год – калиновцы уже увидели паровозы на ст. Хабары (Половинное).

1960 год – засветилась в домах «лампочка Ильича».

1961 год – реорганизация в совхозе, Калиновка стала отделением № 5.

1962 год – перестроили, перенесли школу и заложили сад.

1964 год – на фермах появились автопоилки.

Бригада животноводов стала бригадой коммунистического труда.

1965 год – заложен сад и сделана душевая для рабочих.

...Доярка Мария Скорик – участница ВДНХ.

Награждены медалями она и управляющий Н. С. Адаменко.

На ВДНХ побывала и В. И. Бакланова.

Типовую баню и клуб построили.

1970 год – четвероклассники Калиновские уже ходят учиться в Половинное. А люди на работу.

«Сначала нажитое «Сигналом» выкачали. Потом стали сокращать производство. Когда Е. К. Кин в «Хабаровский» пришел – оставалось там дворов 12. Фермы не было. Вот и разъезжались», - повторялось собеседниками.

Умолкали песни про калину красную. И некому радоваться гроздьям ягод в Калиновом колке стало. Интересно: все песни про калину – это песни про любовь. История Калиновки – та же песня о любви людей к родине своей, друг к другу. Как

могли, украшали ее. И вот, как гнезда с деревьев в бурю, полетели семьи калиновцев по округе.

Два полуразвалившихся домика остались, брат с сестрой – Харченко Василий Илларионович и Анна Илларионовна – живут, пенсионеры. Он безотказным трудолюбивым пахарем был. Она не хуже «робыла», но людям помнится тем, что играла на гармонии замечательно, пела. Оба свидетели, как корчевались яблоньки и топольки, сажённые родными калиновцами. «Плакала, ругалась, умоляла... А теперь вот смотрю на то, что осталось. Этот тополь Петренко. Этот Калиниченко, а там Коваленко...».

Буйство полыни и репейника охраняет остатки усадеб. И видны от калитки колосья пшеничного поля. Крепкие, тугие.

Пока Калиновка дышит. Но если история ее продолжится, то это будет уже другая...

### **3.Безызвестных**

#### **Свои дополнения к истории поселка сделала Надежда Моисеевна Соркина (Богатырь).**

Строительство поселка Калиновский начали в 1929 году. Жителям села Половинного распределяли земли и многим они достались в сторону поселка Зуевский. Добираться туда было далеко, и люди решили строить себе дома поближе. В числе первых переселенцев был мой дедушка Богатырь Семен Тихонович вместе с родителями и двумя братьями: Артемом Тихоновичем и Филиппом Тихоновичем. До этого они жили со своими семьями одним двором, а в Калиновке они разделились, и каждый построил себе дом. Поселок состоял из двух улиц, было около 70 дворов. Место было очень красивое, рядом озеро Лебязье, в котором водилось много рыбы (в основном, караси и гольяны).

Вокруг было много березовых «колков». Жители были преимущественно украинцы, или, как их называли, хохлы. Первых жителей уже давно нет, я жила уже в более современном поселке, в пятидесятые – шестидесятые годы. Беззаботное детство, купались в озере, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды, которых в те годы было очень много.

В поселке уже было электричество, но еще на берегу озера стояла электростанция, был свой дизель и, если были перебои с электричеством, включали свою электростанцию. Богатырь Василий Матвеевич (1929 года рождения) помнит, что Богатыри первым вступили в колхоз, отдали всех своих коров и стали там работать. Работали очень много. Из рассказа моей бабушки, Богатырь Прасковья Ивановны, мой отец Моисей Семенович начал работать с 12 лет. Помогал отцу пахать, сеять, косить. В семье было 7 детей, работали от зари до зари, поэтому и жили неплохо.

**Фото № 12. П-т С.Т. Богатырь**

## Где туманится Карасево

**Фото №13. И.Т. Холодяев (в центре) (1886-1963.) Председатель колхоза им.Розы Люксембург в годы Великой отечественной войны.**

Тихая чья – то родина... Ныне там действительно тихо. Ушла в небытие деревушка. Как смешливая складочка на лице земли, пролегла улица у озера Карасево. Так же и деревушка звалась, основанная в 1927 году выселившимися из многолюдного Лобино крестьянами. Им земля требовалась. Иметь ее, работать на ней – означало жить. И бог с ним, с большим, устроенным, уютным селом.

74 двора, 74 семьи (столько числилось по архивным документам) сольются потом в неразделимый карасевский народ. Жить по – карасевски до сих пор означает одно – жить дружно.

Именно с целью осмысления духовного потенциала живших и почивших в нем людей (как и в других маленьких деревушках) стоит возвращаться к прошлому, в том числе молодым жителям третьего тысячелетия. Как это деда – прадеды не давали привиться в коллективном сообществе своем черствости, иждивенчеству, потребительству-качествам, не позволяющим человеку жить достойно? Бывшая предсевета Лобинского П.Д. Плетнева даже голосом веселеет, вспоминая: «Они ж, как одна семья, в Карасево жили. Приветливы ко всем. Бывало, приедешь, озабоченная, а тебе даже все ребятишки рады. Трудолюбивые, не скандальные».

В 1971 году оставалось в Карасево 10 дворов. А в 1989-м на встрече – празднике карасевцев кланялись старушки развалинам, землю целовали. Потом и погост выгорел.

Может, потому характер карасевский таким формировался, что не было там места безделью – матери всех пороков? И большим, и малым находилось дело, и приходила радость за сделанное.

Может, подобрались такие, как хорошие зерна в тугом колосе. У Шестухиных в семье восьмеро, у Сасиных – тоже. По 10 человек у П. Константинова и И. Кислова. По шестеро было в семьях Г. Артамонова, Н. Фоменко, Н. Стрельникова. Среди основателей Карасево – Ф. Летвенко (деревенский портной), Г. Кислов (охотником был), Ефременко, Шевченко, Дымко. И, конечно, кузнец (какая ж деревня без кузнеца) – Павел Лебемянский.

Привитое радушие, трудолюбие, сочувствие помогали потом переживать карасевцам все тяготы. Федосья Григорьевна Артамонова помнит яснее дни колхозные, чем жизнь единоличную. Мала была. Как дети пололи колхозную пшеницу, помогали скирдовать сено, на быках работали. За все это колхозникам отпускалась натуроплата: мука, молоко. Прежде и без колхоза все это было в наличии, в целесообразности же сделанного – отобрали все, а потом делили – женщина сомневается до сих пор.

«С 37 года, помню, урожайные годы выпали, даже получать хорошо на трудодни стали. А в сороковые опять голод. Все сдавали государству, сами перебивались на травяных лепешках, да баланде. Опухали от голода. Я уже трактористкой была. Можешь, не можешь – работай. А строгость страшная! Кормили нас в столовой. Ну, это так говорилось: какая ж это столовая, если в ней раз в день варили требуху от забитых животных, раз в день кормили.

Вот дошли мы с напарницей до бессилия. А нас еще в другую деревню послали. И получилось, что ни там, ни там не перекусили. Стала трактор заводить, а силы никакой. Опустилась у плетня, и ни о чем уже не думаю. Когда голос слышу: «Почему

трактор стоит?». - «Да вот, - отвечаю подошедшему председателю, - сдыхаю лежу». Посмотрел он, повернулся и ушел. И вот несет (кажется, зав. складом) буханку настоящего хлеба! Я лучшего в жизни не едала. Ноздреватый, пышный, во рту тает. Съели мы по краюшке и воспрянули духом, работать опять можно.

«А трактора – голое железо, открытые, сколько здоровья у женщин поотнимали!»

Не легче им было и после войны, хоть на ферме, хоть в поле. На плечах все, на силе людской. Ладно, если председатель человечный. Кстати, помнят карасевцы председателей своих. (Толстов Петр, Капленко Егор Федорович, потом Иван Терентьевич Холодяев).

Не очень много добрых слов говорилось об этих труженицах. Колхоз назывался имени Розы Люксембург, и об идейном борце юным говорилось с должной торжественностью. А карасевские женщины несли такой груз созидания и света, какие немецкой деятельнице и ведомы ли? Свет не идей – свет добра излучали.

К прибывшим в Карасево немецким семьям (Х. Шмидт с тремя детьми и М. Флеер с пятью) отнеслись так же.

Зная многих из них, в молве уверилась, что карасевские девки красивые были. Той же Фени Артамоновой снимок в молодости – снимок красавицы. И стать, и достоинство, и доброта – все в ней.

Жить по – карасевски... Привезут на ток зерно, навалят, и вдруг туча наплывает. Все без приглашения сбегались к току с ведрами – хлеб перетаскивать под крышу. Даже ребяшня с котелками.

Баньки были не у всех, на усадьбе Холодяева баня каждый день топилась: то одна семья моется, то другая, то третья.

Утюг, предмет не всех семей, передавался из рук в руки, пока вернется к хозяйке. Делились хлебом, молоком, картошкой, если было у кого.

Воровства не было, пьянства и дебоширства тоже. Гуляли по серьезному поводу всем селом: у Артамоновых Ирины и Ивана сын родился, а радуется все село. По погибшим вместе оплакали, 20 мужчин пало на войне: Фоменко – трое, Сасиных – двое, Фисенко, Литвинов, Стариков...

Старшеклассницы учились в Краснозерском, возвращались по дороге мимо тока. Так, женщины обнимут, поцелуют, ласковое слово скажут. И таяла усталость от долгой дороги.

Деревянная школа для детворы строена колхозом в начале 30-х годов. Но учителя не держались, пока не приехала Вера Семеновна Вокалова (Ефременко). «Я три года начинала ходить в первый класс и окончить не могла, все уезжали учителя», - вспомнила Т.И. Гапоненко.

Не все карасевские основатели смогли дать образование детям. Но грамота души освоена всеми: не толкать друг друга к порокам. Куда уж бесхитростней.

Хозяева незатейливых домишек – камышанок да землянок, все – таки любили свою деревушку, обдуваемую свежестью озера. Где ни встретятся теперь после распада ее – как родные: и о детях спросят, и про старую лекарку Скрипничку вспомнят – спасительницу деревенскую.

Оказалась «неперспективной», перечеркнутой судьба селения: убрали скот, фермы, закрыли клуб, магазин, школу... О мнении про здравый смысл крестьянствования на земле их никто не спрашивал...

Совсем неожиданно, знакомясь с прошлым, услышала вдруг от внука Ф.Г. Артамоновой: «Вот выселялся бы кто еще в маленький поселок из

Лобино, я б тоже попробовал пойти на самостоятельное хозяйствование». Мечта, как у деда. И также в начале века... Может, еще и пригодятся карасевские мудрость, трудолюбие, коллективизм.

*Фото №14. М.И.Тёртых с семьёй. 1960 год.*

### 3. Безызвестных.

#### ОСТАЛСЯ РУЧЕЙ НИЧЕЙ...

Поселок Кулема просуществовал 64 года.. Шесть с небольшим десятков непростых лет. Дружное население, работающее, веселое, оно до конца верило в добрый исход, что не коснется их реформа укрупнения. Мудрость подсказывала, что каждый раз начинать жизнь с начала не дело. Они начинали с основания поселка и столько сил вложили в это уголок...

Не территорией – родиной звался.

Свидетелей тех лет мало. Поговорить в свое время удалось со Слюсарем Андреем Павловичем, Камневым Никитой Игнатьевичем, Горбатенко Моисеем Лукичем, Дроновой Акулиной Павловной, Гусевой Анастасией Макаровной, Ломакиной Анной, Новиковым Александром Яковлевичем.

Почти все из больших семей. От десяти до шестнадцати душ было, каждая семья, что артель. Притом мастеровая: А. П. Слюсарь плотничал; Новиковы и Барышок портняжили; Л. Горбатенко – кирпичи делал вручную, вспоминают, очень крепкие; гончарня была у Тищенко и Буториных. Хорошим скорняком был Д. Бушенок. Кроме этого, все - животноводы и хлеборобы. Топор, пила, вилы, лопата из рук, как говорится, не падали. Вот такой народ собрался в Кулеме.

К 1927 году 120 дворов поселка вытянулись улицей у ручья Кулема. Крутилось шесть ветряных мельниц (у Гусевых, Камневых, Барышок, Моисеенко, Величко). Значит было кому и что молотить, а про едоков уже сказано. Досталось, конечно, все своим трудом.

Место для поселка было выбрано заросшее березняком, осиною. Ручей с обрывистыми берегами в ивняке прятался. Именно здесь «казна» разметку поселения сделала и выкопала два колодца.

Заселение шло с 1908 по 1913 год. В годы Столыпинской реформы некоторые даже единовременную денежную помощь получали для обзаведения лошадкой, инвентарем земледельческим. Дорога от Полойки до Кулемы отмечена могилами переселенцев, они возле Чухонатского и Соколова колков.

Переселенцы, выходцы с Вологодчины, Белоруссии, Харьковщины и Полтавщины, знали, что Сибирь богата, но взять богатство можно умом и трудом. (Правда, были и такие, что, не увидя булок, калачей, колбас на деревьях, поворачивали назад). Большинство из них, обладавших качествами, восхищавшими Гоголя (юмором и душевной силой), остались. Корчевали заросли, освобождали земли, строили хатки-пластанки или глинобитные.

А революция реформу оборвала и государство никакого вложения в поселок не делало. Хотя отток сил уже начался. Ведь не успели обустроиться – первая мировая увела часть мужиков. Потом гражданская-партизанская, и так до 1922 года. Но

пережили. Хозяйства крепили, дома хорошие ставили. Кому надо, объединялись, товарищества появлялись. Справлялись «помочи», крестины, свадьбы всем селом.

Но тут 30-е с их обобществлением нагрянули. Нажитое собрали, согнали в колхозы, а многим в Нарым путь определили, из тех же работающих семейств: Д. Бушенок, Камневы, Кожевниковы, И. Гусев, Новиковы Макар, Кирилл и Иван. Кто там еще недоволен?

Что ни судьба – история. История в общей судьбе крестьянства. И деревне, поднявшейся за счет и сил крестьян, распорядитель нашелся. «Спартак» назвали колхоз. Для личных коров и лошадей строили общественные фермы, конюшни, свинарники. Мельницу одну оставили.

Так начиналась коллективная жизнь, коллективная работа. Из всех председателей (Е. М. Рыжков, Бобрук, Н. Е. Курух, А. В. Сердюков, Я. Н. Миланин, В. И. Сладков – двадцатипятидесятилетний, как Давыдов в «Поднятой целине»), запомнился многим, как хороший руководитель, Сергей Николаевич Тинин.

И пошло: посевная, сенокос, уборка, зимовка...

Ни выходных, ни отпусков и бесплатный, за «палочки», труд. Пока на трудодни начисления начнутся, терпи голод, холод, налоги. Ждали лучшего, дождались 37 год – время страха...

В 41-м только отсеялись, пары пахали, сено косили, объявили: началась война. Всех мужчин на фронт проводили и остались одни женщины, старики и дети. На работоспособность никто не смотрел. Поселок пахал, сеял, сдавал хлеб государству. Все для фронта. И так долгих четыре года. Пятьдесят кулемских мужиков не вернулись к семьям. Погибли. А те, кто вернулись, в тяготах восстановительных лет выдерживали недолго. В «ударниках труда» все больше женщин числилось: Эчко Елизавета – доярка, Горбатенко Евдокия, Камнева Евдокия... Да еще вспоминают, как дух поддерживал гармонист, певец замечательный, директор клуба Иван Воротынцев.

Несмотря на тяготы, кулемцы славились своими песнями, частушками. Без зависти и злости жили. Запросто друг к другу хаживали и были всегда жданными. Всем селом радовались, всем селом печалились, провожая умерших.

...Пустело село. А ту еще притязания соседей. В красивом месте, среди пашен и сенокосов лежала Кулема. Но принадлежали земли хозяйствам Полойского и Садоменского Советов. Такой передел оформили при колхозной нарезке, переведя из Доволенского района. Накосить травы, нарубить дров, ягод набрать нельзя. Полойка за 15 километров, а земли ее под Кулемой самой. Скот выгнать некуда. Доходило до того, что полейские бригадиры да объездчики отбирали лошадей, ягоды, дрова, брички, косы, топоры.

Так было, пока Кулему, Садоменное и Луговое не объединили в колхоз им. Молотова. Сладков Василий Иванович его возглавлял. А в 1950 году слился названный колхоз с Полойкой, хозяйство «Красное знамя» называлось. В 1961 седьмым отделением стала Кулема в Полойском совхозе. К этому времени не было уже там школы, больницы, связи с поселком и транспортного сообщения. Через десять лет увели отсюда и скот, людей не осталось, некому работать, разъехались кулемцы кто куда. Кто жив, жалеет о поселке. Ничего на его месте не осталось, только кладбище под околочком навещается.

По преданиям, кулемой называлась, на языке населяющих прежде Сибирь, кочевых народов, ловушка для мелких зверьков.

Ручей Кулема и земля заловили души крестьянские в добрые сети, и в любви (с коей не сравнится никакое требование трудовой дисциплины) появились силы для преобразования уголка, для строительства поселка.

Но какую же ловушку для работающих земледельцев уготовила система нового государства, о которой и не помышлялось в начале прошлого века...

**Н. КАРНАУХОВ,  
З. БЕЗЫЗВЕСТНЫХ.**

### **ПРИ ШИРОКОМ ПОЛЕ. Фото № 15. Жители Ново – Вознесенки.**

**Историю появления Ново-Вознесенки можно версией дополнить, поговоркой обозначив – «не было бы счастья, да несчастье помогло». Счастье в плодороднейшей земле и родниках, чем оказалось богато так называемое местечко «пусто лежащее».**

А отошли на него херсонские переселенцы, как ощутили высокомерие со стороны хохлов ореховологовских. «Гетьяки, мол, несерьезные». («Гетьяки» от мягкого произношения буквы Г). Сначала семей 30 поселилось, потом до 120 дворов, говорят, доходило.

В архивных документах за 1908 год Ново-Вознесенка уже значится. Пластанки ставили, как по шнурочку, на двух широких улицах: Могилевские, Толстых, Кирстя, Сидуны, Паньковы, Гойденко. Даже имя старосты еще называют – Игнат Новиков.

По расчетам старожилов, до 40 центнеров с гектара получали пшенички. Земелька – золото! Вот за зерно им многое везли из соседней волости. Базара не было, но снабжение происходило. Жили ровно, только одна лавка Карпа Хижняка была. Свои умельцы, конечно, имелись и славились: плотник Кушнырь, портной Тимофей Горошко, пимокат Иван Исаев.

Про женщин-рукодельниц говорить – значит, почти всех можно перечислять. Но особенно удалухи были по ковроткачеству Устинья Коренная и Пелагея Сидун.

Одна перед одной бабенки свои землянки намазывали-набеливали глиной околошной: «шо як цемент», или из Утянки привезенной. Перед Пасхой даже в холодную пору, как закон, освежали избенки и снаружи.

На каждой усадьбе – колодец, пирамидки кизяка. И вербы. Ну, как же украинцу без верб и песен! А херсонцы, люди бедовые, кураж особый – игривый. «Нука, кума, не журись» - и пошло... В любой день песни над поселком взмывали. Игру «срипаля» (скрипача) Кирилла Бойченко помнят до сих пор, он сам и мастерил скрипки. Михаил Балицкий гармошки и балалайки сам делал, сам играл. За его гармонь корову отдавали. Под песни жали, конопля вязали, бетельницами орудовали.

Те вербы пережили поселочек. По дороге из Орехова Лога в Курьинское виден их хоровод.

И прудочек свой запрудили. А еще, казной (как тогда говорили) выкопаны были на улицах колодцы, глубокие, родниковые. Сколько существовали – чистить не было надобности. Такие чистые стояли, всегда с ободом льда над водою. По словам Елены Дмитриевны Сидун, последний закрыли не так давно. Криницу накрыли, а потом уж сверху засыпали.



... Вроде, отдаленный поселочек, а от событий в стороне не остался! Революционных лет памятка – гибель Тимофея Филимоновича Яцук. В Хабаровцах памятник стоит, там, где его, Ивана Мамалыженко и Ивана Яцук заставили вырыть себе могилу, а потом расстреляли, Иван Яцук чудом жив остался.

Какие отметины с первой мировой принес Антон Петрович Сидун, многие видели – звездчатые шрамы на спине. За годы плена у немцев, как рассказывал, семь раз живым хоронили, пытка такая применялась. Вторую мировую, он, зная немецкий язык, немцам-переселенцам ликбез проведет, чтоб людей не ругали. На фронт опять попадет и уже не вернется...

Херсонцы считали себя людьми артельными, у них даже винокурня – избенка, где самогон гнали, - была общая, кому сколько надо – ставь в ней, гони.

И все же, как пережили коллективизацию, говорит тот факт, что половина поселка опустела. Оставшиеся, уже колхозники, называли коллективное хозяйство «Красная нива». И первым председателем выбрали коммунистку Лукерью Филимоновну Гойденко. 10 лет она руководила. Поставили рубленую школу начальную. И более ничего там не возводилось. В Вознесенке не было ни церквушки, ни медпункта, ни клуба, ни детсада, ни магазина. За всем надо было отправляться в Орехов Лог либо в Петропавловку, и учились старшие ребята там.

Поднапряглись артельные люди, новую жизнь налаживая. Сеяли, косили, от саранчи поля спасали. Детвора по полю цепью пробежит, выгонит вредителя из полосы, а тут взрослые пал пускают. Детвора и колоски собирала, и полола пшеницу. Гуртом готовили дрова в один двор, другой. Гуртом в баньки воду носили. И на празднике, после сева им и немощным старикам было место. И помнят некоторые ореховологовцы, как играл оркестр нововознесенцев из самодельных гармошки, барабана, скрипки, балалайки, бубна.

Только было вздохнули, получив на трудодни зерна, что «коморы (склады) понадобились под хранение», тут опять беда.

Война вихрем вынесла мужиков из деревеньки, 61 проводили, на 48 похоронки пришли. Так густо сыпали, в каждый двор да не одна. Почтальона боялись, когда в сторону двора шел... По трое погибли у Ананьевых, Толстых, Полищук. У Чернявских двое, Могилевский, Иващенко, Бабенко...

У Жигоренко Онисьи и Платона шесть сыновей война взяла – всю семью. Кирстя Мария и Яков из четверых только одного дождались. Всем селом оплакивали погибших. Павел Сидун, подростком почту разносивший, вой тот все не забудет. Потом и сам на войну попал, хлебнул фронтовых лишений.

Но на том жертвы Ново-Вознесенки не ограничились. По словам Е.Д. Сидун (Гойденко), около 20 человек умерло стариков, детей, ослабевших от голода. Потом, кто овец доить надумал, продержались, а пайка не хватало. Десятилетний Коля Каленчук, считай, не водовозом - спасателем был. Воду в бригаду женщинам привезет, они дырки на его одежде проволокой стянут и насыпят в штанины зерна. Спешит хлопец к Сидунам, где на ступе да жернове зерно пропустят. Другим рейсом Коля вез еду бабонькам и воду тракторам.

Артельное чувство взаимопомощи тогда и выручило. Нива – то красная, а судьба у деревушки несчастная. Как ни тяжело, а люди пытались выкарабкаться. В 50 году еще колхоз хвалили за выполнение плана хлебосдачи.

А в 1952 году, рассказывали старики: приехало начальство, зачитали всем бумагу, что идет укрупнение колхозов, их «Красная нива», деревушка в 35 дворов,

присоединяется к колхозу «Заря». И заодно с колхозным забрали все нажитое с подворий. Считают, второй коллективизацией «осчастливились».

Не жизнь – одни жертвы. Так быть не должно – напоминает судьба Нововознесенки. Спекшийся от бед следок на плодородной земле. Его по кладбищу можно найти, что рядышком непоруганное, опухшее. И вербы там у «полони печали» постоянной, вознесшие свои ветви к небу.

### **3. Безызвестных.**

*Фото №16. Е.И. Задорожная и А.Калиниченко*

## **НОВО-ВОЗНЕСЕНКА. К ИСТОРИИ ПОСЁЛКА.**

Я бы хотела рассказать о нашем поселке Ново-Вознесенке. Это моя родина, там родилась моя старшая дочь. Все жители этого поселка – бывшие украинцы, переселенцы из Херсонской губернии. Нас называли «херсония музья». Много было музыкантов, певцов и танцоров. При моей памяти там насчитывалось 46 дворов. Это уже в тридцатые и сороковые годы.

Колхоз назывался «Красная нива». На моей памяти председателем был Тарасенко. Это где-то в тридцатые годы. Имя и отчество не помню. Его жена, Мария Никитична, была моя первая учительница. Потом был Новиков Игнат Арсеньевич, которого забрали, как тогда говорили, по линии НКВД, дальнейшая судьба его неизвестна.

У них была большая семья, но все разъехались, кто куда.

В войну и после войны был председателем Максименко Максим Авдеевич. Потом было еще много, но я там уже не жила.

Дома, в основном, были пластанки и глиняные. У нас был дом из глины – две большие комнаты с крышей, покрытой соломой. Были сарай, так как держали скот: корова, овцы, свиньи. Этим и жили.

До войны наш колхоз начал помаленьку жизнь налаживать. Уже даже была грузовая машина. Но только началась война, машину забрали на фронт, и опять вся работа велась на лошадях, быках и коровах.

У всех были большие семьи. У моих дедушки и бабушки было девять детей. У дедушки умерла первая жена и оставила четверых детей. Он женился на моей бабушке и прибавилось еще совместных 5 детей, где старшим был мой отец, Яцук Иван Наумович. В 14 лет он уже служил в работниках в селе Хабары, потому что семье жить было тяжело. Но все-таки он окончил 3 класса приходской школы и считался по тем временам грамотным человеком.

Дальше была гражданская война, где отца расстреливали как красного партизана, но он чудом остался жив. И когда началась Отечественная война, он с начала и до конца служил в тылу в городе Барнауле, т. к. был уже инвалидом. Так что на службу у него ушло около 10 лет. Хотя в тылу тоже было очень тяжело. «Все было для фронта, все для победы». Мы, дети войны, тоже пережили не мало.

В голоде и холоде выживали, как могли. Как только сходил снег с земли, переходили на подножный корм – это щавель, полевой лук, где какую картошку найдем, когда пашем поле. Лепешки пекли с лебеды: грамм сто муки, остальное -

лебеда и картошка. Потом начинаются ягоды. Вместо конфет у нас была сушеная морковка, которую найдем на печке у бабушки в сумочке.

До войны не было в деревне клуба, но немое кино привозили и показывали в школе, в которой дети учились только до 4 классов, затем продолжали учебу в Ореховом Логе за 12 километров. Дети жили на квартирах, а по выходным уходили пешком домой в любую погоду. Порой, по дороге встречались и с волками.

В нашем поселке почти все жители между собой были родственники. Нашей фамилии Яцук было три семьи. Это Яцук Иван Наумович, мой отец, Яцук Илья Наумович, его брат. У них было четверо детей и сродный брат, Яцук Михаил Филимонович, у которых было тоже четверо детей. Также были фамилии: Кушнарёвы, Могилевские, Бабенко, Кондрацкие, Черневы, Чернявские, Тертыечные, Чудак, Андриенко, Калиниченко, Сидун, Миргородские, Иващенко, Гойденко, Толстых. Нас называли кум - колхоз. Жили бедно, у всех были большие семьи, но жили дружно и во всем помогали друг другу, чем могли. И пели песни, и гуляли свадьбы, оплакивали похоронки, что приходили с фронта, вместе хоронили близких. Провожая солдат на фронт, выходили всем селом за деревню, а когда начали возвращаться раненые и больные, тоже встречали всем селом. Но их вернулось очень мало.

Радость и горе было на всех одно. Когда окончилась война, 9 мая, мы все были в поле. Пахали на быках и коровах. Услышав сообщение, все бегом побежали в деревню, смеясь и плача.

С войны вернулось очень мало мужчин. Много погибло. После войны очень тяжело восстанавливали колхозное хозяйство. Вся работа легла на плечи стариков, женщин и подростков, которых сегодня считают тружениками тыла. Работали с 10 лет, а то и раньше. Собирали колоски, делали другую посильную, а чаще и не посильную работу. А после войны работали наравне со взрослыми. Техники почти никакой не было. Тракторы без конца ломались, потом уже появились «Нати» и «Дизеля». Комбайны тоже старые были. Хлеб оставался в скирдах и молотили его зимой. Привезут нас, молодежь, в поле, пока комбайнеры разогреют комбайны, заведут, а мы откапываем снег со стогов и от холода приплясываем.

И как бы не было тяжело, едем или идем в бригаду - поем песни и возвращаемся – то же с песнями. В основном пели наши украинские – «Выпрягайте, хлопцы, кони».

«Хасбулат удалой» - любимая песня моего отца. Потом были: «Катюша», песни из кинофильма «Кубанские казаки», «На горе колхоз, под горой совхоз».

У нас, у девчат любимые песни были:

### **ПИСЬМО С ФРОНТА**

Для тебя пишу, черноглазая,  
Может быть последнее письмо.

Никому его ты не показывай,  
Для тебя написано оно.

Я теперь границу охраняю,  
Вспоминаю лишь тебя одну.

И пишу тебе, моя родная,  
Письмецо в родную сторону.

Может быть, другого полюбила,  
Может быть, в чужом краю

Все, что было, все уже забыла,  
Но, а я в себе все берегу.

И еще одна:  
Скучно, грустно, моя дорогая,  
Что мне делать, куда мне пойти  
Не влечет меня больше другая,  
Мне такой, как тебя, не найти.  
Расстались в обстановке военной,  
Когда землю терзали враги,  
Расставаясь, ты мне говорила:  
Для меня ты себя сбереги.  
Расставаясь, ты руку пожала,  
Посмотрела с улыбкой в глаза  
И на шею платок повязала  
По щеке прокатилась слеза.  
У калитки заветная груша,  
Где, порой, целовал я тебя.  
Где ж ты, где ж ты, моя дорогуша,  
Черноглазая чайка моя.  
Если любишь, так значит дождешься,  
А не любишь, так, знать, тому быть.  
Целовать тогда будешь другого  
И другой тебя будет любить.  
Что солдату на долю придется,  
Разве можно вперед угадать,  
Но любимая, верю, дождется,  
Потому что, умеет дождать.

Мои земляки разъехались по всей стране, кто куда. А поселка, как и не было на этой земле, даже кладбище уже не найдешь. Я пока могла, ездила кое-когда, пока еще были бугорки нашей хаты, побуду на кладбище, где захоронены наши предки, поклонюсь их могилкам. Сейчас мало осталось в нашем районе моих земляков, но есть их дети, которые родились в Ново-Вознесенке. Всем желаю самого хорошего в их жизни и помнить свою родину. У меня сохранилась фотография, где остался наш колодец и тополя, стоящие у дороги возле нашего дома. Снимок сделали мои земляки – братья Калиниченко Василий и Алексей. Василий уехал из родного поселка по призыву в Армию. Служил в Москве, при Кремле. В годы Великой Отечественной войны охранял Сталина. Всю свою жизнь прожил в Москве. Он Кремлевский ветеран. Алексей служил в Армии еще до войны, прошел всю войну, а после войны остался на Украине.

**А эти частушки родились уже в годы перестройки:**

Эх, Россия, мать родная,  
Что же сделали с тобой,  
Разделили, раздарили  
И оставили босой.

Наше поле опустело,  
Не воркуют трактора,  
Но кому, какое дело,  
Нет солярки ни ведра.

Хорошо идут реформы,  
Мы плодов напрасно ждем,  
Но кому, какое дело,  
Если с голоду помрем.

По Чубайсу наш народ  
Вел приватизацию,  
Он купил себе завод,  
А мы канализацию.

Страшно стало жить на свете,  
Не страна, а темный лес.  
Из Росси демократы  
Поле сделали чудес.

Денег нет на легковушку,  
Накопил за много лет,  
А теперь их не хватает  
Даже на велосипед.

Тот, кто спину вечно гнет,  
Нынче впроголодь живет.  
А жирует и шикаует,  
Кто не сеет и не жнет.

Эх, Россия, ты Россия,  
Родина любимая,  
Над землею ты парила,  
А теперь бескрылая.

**Е. И. ЗАДОРЖНАЯ, 1929 г.р., р.п. Краснозерское.**

### **ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ НОВО – МОСКОВСКОГО.**

*Фото №17. В.М.Свириденко, колхозный учётчик. 1955г.*

В 1926 году в Веселовском было организовано машинное товарищество. От членов машинного товарищества принимали хлеб, а им продавали сельхозмашины.

Лучшие близлежащие земли главным образом были кулацкими. Бедняки же обычно пахали и сеяли на самых худших и наиболее отдаленных землях.

Уполномоченный РК КПСС начал советовать желающим переехать на выселки. Правительство этим крестьянам выделяло хорошие земли, денежные и натуральные ссуды.

Крестьян, согласившихся перебраться на выселки, в Веселовском было мало. Шутка ли, надо ломать, крушить все нажитое, а что дадут эти выселки? Кончилось тем, что мужики решили провести опыт в хозяйстве М.А. Волошина: корм корове давать по рациону, поить теплым пойлом, держать в теплом хлеве. Волошин принялся за сооружение скотного двора. Агроном из райцентра сумел ему внушить, что он сможет стать крепким, культурным хозяином, если переберется из села на выселки.

И душа мелкого собственника взяла верх. Волошин везде и всюду начал ратовать за переселение из села на выселки и вместе с С.П. Янчариным стал вести запись желающих присоединиться к инициативной группе. Присоединились середняки: Попович, Даниленко, Нестеренко, Андронов и другие, всего 30 хозяйств. Началось переселение в 1926 году.

Наступил 1928 год. Переселились в поселки. Партийное собрание поручило М.А. Волошину и С.П. Янчарину организовать в поселках товарищества по совместной обработке земли, и они взялись за эту трудную работу: М.А. Волошин в поселке Перво-Майский, а С.П. Янчарин – в Ново-Московском.

Опыта не было. Шли на ощупь. Но какие бы ни были трудности, крестьяне выселков шли вперед.

Началась коллективизация. В поселке Ново-Московский была создана сельхозартель «Новый путь», ее председателем стал Янчарин Степан Петрович, умный, добросовестный, трудолюбивый человек.

1931 год был неурожайный, и в коммуне «Путь к социализму» (под Черноурьей) создались экономические трудности. Коммуна была распущена. Веселовские мужики по приезду из коммуны вступили в сельхозартель «Новый путь», первыми приехали братья Т.К. Причина и С.К. Причина, Д.К. Петренко, М. Мороз, Т.Н. Шубенок. Это были активные люди, любящие трудиться от темна до темна.

Жизнь пошла своим чередом, но начались годы репрессий. Увезли, неизвестно куда и неизвестно за что, лучших людей, специалистов, таких, как Свириденко Михаила Ивановича – лучшего плотника – столяра, который так и не вернулся домой.

А без кормильца осталось шестеро детей. Всех вырастила и воспитала жадная до работы Елизавете Илларионовна, да надорвалась, рано умерла. Младшую Марию подростком осиротила. Но ничего, материнская закалка и ей помогла в жизни. Знатная доярка совхоза «Районный» Киндякова Мария Михайловна была награждена в 1978 году Орденом Трудовой Славы III степени. Старшая сестра ее Анна всю войну проработала трактористкой, а трое братьев прошли войну и вернулись живыми: Василий Михайлович с Орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». В 50-е годы он был заведующим начальной школой в поселке. А Николай Михайлович более тридцати лет проработал шофером в родном совхозе, а потом в Веселовской МТС, в 1975 году был награжден Орденом Трудовой Славы III степени.

Жители поселка Ново-Московский, как и все люди страны, очень трудно переживали военное время. Все мужчины ушли на фронт. Остались женщины, старики, дети. Вся работа в колхозе и дома легла на их плечи. И, несмотря на такое трудное время, люди жили очень дружно, помогали друг другу, как могли. Как женщины трудились! Где только сила бралась? Полураздетые и полуразутые, почти голодные, работали молча и усердно. Никогда не роптали на судьбу. Понимали, что работают для победы над врагом. Их объединяло одно горе – потеря любимого человека на войне.

После войны жители Ново-Московского восстанавливали хозяйство. Строили новые фермы, кошары и личные дома.

В 1951 году пять колхозов Веселовского сельского совета, в том числе и колхоз «Новый путь», объединили в один колхоз им. Свердлова. Председателем колхоза избрали Шаламова Петра Миновича, ранее работавшего заместителем председателя Веселовского райисполкома. Председателем колхоза он проработал 8 лет.

Колхозники его уважали и трудились на совесть. Бывало, сядут плотники отдохнуть, покурить. Видят, идет Шаламов, говорят: «Бросайте курить, а то Петр Минович подумает, что мы давно сидим».

Доярки в 6 часов утра придут на ферму, а он уже там, уже приехал из Веселовского. Его спрашивают: «Петр Минович, когда же вы спите?». Он отвечает: «Не спится, девочки, беспокоюсь, все ли у вас тут в порядке».

А порядок в хозяйстве был. Надой молока на фуражную корову составлял в среднем 26-27 центнеров, а у отдельных доярок он был 29-30 центнеров. Настриг шерсти в среднем по 3,6 килограмма – это с полутонкорунных овец. От 100 овцематок получали в среднем по 125 ягнят, от 100 коров по 107 телят, и самое главное, сохранность молодняка была 100-процентная. Доярки получали дополнительную плату – теленка, а чабан Г.Н. Гаптарь получил однажды 30 ягнят.

Колхоз имел высокие производственные показатели. После двух лет руководства Шаламовым колхоз стал миллионером, занимал одно из первых мест в районе. Колхозники стали жить богато. Землю обрабатывали хорошо, культурно. Урожай сохраняли, убирали вовремя. Хлеба получали много. Держали много скота, птицы. Колхоз перешел на денежную форму оплаты труда.

В поселок приезжали магазины с товарами, и люди брали все подряд: по 70-80 метров ткани, обувь, одежду, посуду, хозяйственные товары. Но вот по размерам не всегда подходила одежда, поэтому брали что попадет (лишь бы не малое). Григорий Купин купил костюм, а он великоват и рукава очень длинные. Он просит мать подшить рукава, а она боится испортить. Он пошел, отрубил рукава топором, принес, говорит: «Теперь подшивай». Полки в магазинах пустели, не успевали подвозить товары.

Когда обзавелись самым необходимым, начали покупать велосипеды: по 2-3 в дом (мужской, женский, детский), затем швейные машинки, мотоциклы, часы, радиоприемники, мебель. Стали откладывать деньги на сберкнижку: на строительство добротных домов, на легковые машины, на путевки в санатории и туристические поездки.

Строили дома путем помощи друг другу, Мужики дранковали, бабы кулачили, то есть замешанной с соломой глиной забивали камыш и дранку. Затем мазали на несколько раз, добиваясь гладкой поверхности стен. За два года поселок перестроился. Построили школу, магазин, клуб. Ровная, зеленая, широкая красивая улица, штакетниковый забор – как один.

В село Веселовское возили на концерты приезжих артистов. Очень любили жители села концерты Сибирского хора и слепого баяниста Ивана Маланина. Он приезжал с концертами и в Ново – Московское, когда там появился клуб.

По мнению жителей поселка социализм был уже построен. Так считали все.

Настал 1963 год. Упразднили Веселовский район. Начались проблемы на каждом шагу. Особенно много проблем было у жителей поселков. И началась массовая миграция населения. Сразу же уехали самые молодые, здоровые,

трудолюбивые. Оставались старики-пенсионеры. В течение 3-4 лет поселок Ново-Московский разъехался. Подавались кто куда, но многие в Веселовское.

В конце хочу еще раз вернуться к тому, какие же прекрасные люди были в поселке. П.М. Шаламов писал мне, что «в колхозе были замечательные люди, с ними мне легко было работать, мне просто посчастливилось работать с ними».

Так хочется хоть несколько слов написать о тружениках поселка, простых колхозниках. Жил там Купин Павел Иванович. Он первым вступил в колхоз, отдал в него все свое имущество, даже сарай отдал для коров. Работал, не покладая рук. А руки были у него золотые. Все мог сделать, отремонтировать, начиная от сбури, бричек, лобогреек, сенокосок, веялок и кончая зерносушилкой (которую строили под его руководством). День и ночь во время уборки он был занят на току, любил, чтобы было все убрано до зернышка. Спокойный и застенчивый, но его слово было законом для всех. Его любили, ценили и называли только по имени-отчеству, Павел Иванович.

Гаптарь Елена Павловна всю свою трудовую жизнь была передовой дояркой, избиралась депутатом областного Совета депутатов.

Доярки Шалюпа Раиса, Тарасенко Раиса, Сарапулова Валентина добивались надоев молока по 29 центнеров на корову.

Т.Н. Шубенок всю жизнь проработал в кузнице. Его сын Михаил Тимофеевич, знатный комбайнер района в 1975 году получил Орден Трудовой Славы III степени. Учителя физики Дмитрия Тимофеевича Шубенок помнят все выпускники Веселовской средней школы 70-х, это был замечательный педагог.

Гориленко Евгения каждую весну работала засыпщицей семян в сеялки, подвозила зимой корм со степи к фермам, сакманила. В сенокос была укладчицей сена в стога. Лучше ее никто не мог укладывать сено, чтобы не промочили дожди. Шалюпа Александр и Раиса, Купины Григорий и Мария, Брагины и Чувирины, Барановы и Самойленко.! Всем вам низкий поклон и доброго здоровья за ваш доблестный труд, а умершим царствие небесное.

Поклонитесь деревенским пустырям,  
Помяните всей деревней поименно.  
Поклонитесь всем деревням порайонно,  
Неухоженным могилам и крестам.  
Поклонитесь деревенским пустырям,

Всем старушкам поклонитесь до земли,  
Что в годину нас от голода спасли,  
Что держали всю деревню на себе.  
Поклонитесь покосившейся избе.

И над пропастью утопий и прожектов,  
Над величием амбиций и проектов,  
После долгого и горького раздумья  
Очертите прошлое безумье.  
И, поклявшись у тихого жилища,  
Поклонитесь деревенским пепелищам.

**В. Н. Свириденко, жительница п. Ново - Московский  
1950-60-х годов.**



### **Случай в буран.**

В годы войны кроме холода, голода и других бед прибавляла хлопот и природа. В Сибири в те годы были очень сильные и продолжительные бураны. За 3-5 дней заносило не только дороги, но и поселки, особенно, если они стояли поперек преобладающих ветров. По улицам ездить было невозможно, сугробы стояли на уровне крыш, тракторов для чистки улиц не было, поэтому дорогу делали за селом. Хорошо было только детям: горки делать не надо. Садились на санки прямо, на крыше и съезжали в огород.

Взрослым же была беда. Откапывали пригоны со скотиной, колодцы, сено. С колхозным скотом было еще труднее. Все сено не успевали подвезти к фермам, поэтому зимой ежедневно посылали за сеном 3-4 саней. Ездили за кормом в основном женщины. А лошадей не хватало, лучших взяли на фронт, поэтому часто это делали на быках. Вот однажды и в нашем селе поехали три женщины на быках далеко за деревню в поле за сеном. А тут поднялся сильный буран.

Снега и так было уже много, быкам идти тяжело, они бредут медленно, а тут еще света белого не видно. Сбились с дороги, а короткий зимний день уже и кончается. Что делать? Одеты все легко, одежонка промокла, ветер пронизывает насквозь. Приняли решение: быков нужно выпрягать, сани поставить набок, чтобы сделать затишек и переждать непогоду. Сели они рядышком, чтобы теплее было и стало их потихоньку снегом заносить. Вроде так теплее, но страшно. Стали они плакать, каждая свое горе высказывает.

Многодетная мать причитает: “ Детки мои, крошечки. Вот умру, с кем вы будете, кому вы нужны?” Вторая, у которой детей нет, мужа убили на фронте, но ей повезло: пришел с фронта раненый сосед, у него нет семьи, и они сошлись. Вот и она плачет, приговаривает: “ Думала, что мне бог посочувствовал, дал счастье, мужа мне послал, а теперь, если я умру, кому он достанется?”

Третья была незамужней девушкой, она одна дочь в семье и ей перед войной новую “плюшку” купили (теплую тужурку из плюша). Она причитает: “ Думала, як кончится проклятая война,

прыйдут хлопцы с фронта, я одену гарну хустку (платок) да нову плюшку и пройду по улице, шоб хлопцы бачили. А теперь вона комусь достанется”.

К тому времени их снегом занесло совсем, осталось вверху отверстие от воздуха. В деревни забеспокоились и послали на поиски трех молодых ребят – подростков. Они верхом на лошадях поехали в поле, и нашли их по быкам: те еще не совсем снегом были покрыты. Откопали женщин, привезли домой и только тогда они поняли, как серьезно было их положение.

### **У страха глаза велики.**

В годы войны летом женщины деревенские боялись далеко в степь по ягоды ходить. Всех пугали дезертирами, даже вооруженными, поэтому старались не ходить по одиночке, а собирались группами. Вот началась ягодная пора, каждой женщине страшно хочется нарвать больше, опередить других.

Так две аксенихенские подруги Мотя и Полина отправились по любимым ягодным местам. Пришли в поле, наклонились и пошли в разные стороны, увлеклись так, что потеряли друг друга из вида. Покричат, услышат ответ и дальше ягоду за ягодкой собирают. Протянула Мотя руку в густую высокую траву, а там... сапоги кирзовые стоят, а от испуга они ей показались огромными, как у Петра I в кино. Испугалась она очень, стала подниматься, чтобы подругу позвать, а перед ней стоит огромный мужик - здоровенный, бородатый и с косой в руках. И кажется ей со страху, что он на нее замахивается. Тут она совсем испугалась и давай кричать: ” Ой, дядечка, не убивай меня! Поля, спаси, меня убивают! Уби-ва-ют!” Прибежала испуганная Поля, вытаращила глаза и говорит ей со смехом: “ Мотя! Чего орешь, это ж дед Пантюха, твой сосед. Ты что сдурела что-ли?” А дед сам испугался крика своей соседки, поэтому долго и не отзывался, боялся, что она еще больше испугается. После общего облегченного смеха он пояснил, что сапоги снял от жары и косил рядом, а как увидел, что Мотя до них добирается, решил забрать к себе ближе и пошел с косой в руке без всякой злой мысли. Кто ж знал, что напуганной бабе причудится! А Мотя просит подругу: “ Пойдем домой, я уже и ягодам не рада, ноги подкашиваются от страха”.

Недаром говорят, что у страха глаза велики.

**Из рассказов В.Свириденко.**

### **Что связывало Москву с Ново – Московским.**

***Фото №19 Животноводы посёлка. 1956г.***

***Фото №20 А.Д. Коптяева.***

В нашем музее хранится альбом с письмами московской писательницы Антонины Коптяевой, очень популярной в пятидесятые и шестидесятые годы, для жителей маленького поселка Ново-Московский. Он был подарен нам Верой Николаевной Свириденко. В Советском энциклопедическом словаре читаем более чем краткую информацию: «Коптяева Антонина Дмитриевна. Родилась в 1909 году, русская советская писательница. Романы «Товарищ Анна» (1946), трилогия «Иван

Иванович» (1949 г., Государственная премия СССР), «Дружба» (1954 г.), «Дерзание» (1958), посвящены преимущественно вопросам любви, семьи, общественного назначения человек».

А для меня это целый мир воспоминаний детства и юности, семьи, малой Родины.

С раннего детства помню эти письма и фотографии, которые мама бережно хранила. На фотографиях – красивое холеное лицо женщины – московской писательницы. Это было что-то запредельное, как из сказки. Хорошо помню, как поздно вечером (отец был учетчиком в колхозе, приезжал домой поздно) мама кормила его за столом и пересказывала прочитанные главы из новой книги Коптяевой.

И имя ее и названия книг я запомнила на всю жизнь. Думала, вырасту – обязательно прочитаю. Выросла, прочла, полюбила и забыла. А мама все хранит этот альбом с письмами, фотографиями, открытками и газетными вырезками о любимой писательнице. Случайно и я наткнулась на этот альбом и поняла, что это огромная культурная ценность, находка для краеведа.

Что же связывало мою малую Родину – поселок Ново-Московский, который входил в состав давно несуществующего Веселовского района Новосибирской области, с Москвой?

В начале 50-х годов моя мама, Свириденко Вера Николаевна работала в этом маленьком красивом поселке заведующей клубом и библиотекой и, прочитав 2 первые книги известной трилогии А. Коптяевой, организовала чтение и обсуждение среди своих читателей – доярок и скотников. Всем им, тогда молодым, не могли не понравиться эти книги о любви и людях хороших.

Накануне нового 1956 года они пишут коллективное письмо в адрес писательницы. Так началась их короткая, но яркая переписка, и, похоже, она была интересна не только сибирякам.

«Большое, сердечное спасибо за ваше письмо. Оно меня очень порадовало, ведь все силы отдаешь работе, и самая большая награда за нее – ваше одобрение», - пишет в первом письме А. Коптяева (от 10.01. 56 г.).

Дальше – больше. Одну из доярок – участниц переписки за успехи в работе посылают в Москву. И летит из Сибири в Москву письмо о надежде на встречу. В своем следующем письме Антонина Дмитриевна дает свой телефон и просит заранее известить: «Скажите, приехали из колхоза Новосибирской области, и я явлюсь, как лист перед травой». (Потому что почти всегда она жила на даче). К сожалению, поездка не состоялась, зато в Москву животноводы отправили коллективную фотографию, где подписали имена всех участников переписки. И каждому из них персонально известная писательница, жена редактора журнала «Октябрь» Ф. Парфенова присылает свою фотографию с авторской надписью.

«Передовой доярке читательнице Рае Купиной. Спасибо за хорошее письмо и фотокарточку. У меня после получения этого письма целый день было праздничное настроение» (5.02.56 г.). И снимок 1950 года, а на нем – настоящая красавица. Необыкновенное лицо.

«Чабаночке Ире Лейман. Крепко вас обнимаю и целую. Все вы на карточке такие молодые и хорошие, что, кто ни смотрит, всяк скажет – славные ребята какие! А я радуюсь – читатели!».

Какие интересные это были времена! Доверительные и откровенные письма в Сибирь из Москвы являются подтверждением этому.

«Вере Свириденко! Вам посылаю самый ранний снимок: здесь мне всего-навсего 22 года. В это время я работала машинисткой в союзе транспортников. В Москву приехала в 1930 г. До этого жила на Дальнем Востоке, на Алдане, на Колыме, на Урале. Прошла по тайге пешком более тысячи километров. Работала в детстве и юности на поденных работах, потом продавщицей в магазине, секретарем приискового управления и женским организатором. Вся жизнь в работе».

Все снимки отправлены в поселок Ново-Московский 5 февраля 1956 года. А всего их было 5 и 3 письма.

Антонина Дмитриевна активно интересуется судьбой сельской библиотеки и клуба, в одном из своих писем она вспоминает своих дедушку и бабушку, их тяжелую крестьянскую жизнь. «Замечательно, что у вас совсем-совсем другая жизнь, и хорошо, что ваш колхоз создает вам зажиточную жизнь. Без этого не до книг и развлечений». Золотые слова и как никогда актуальны сегодня.

Где же теперь мои земляки, те, кому адресованы эти письма замечательной русской писательницы?

Моя семья в 1964 году переехала на постоянное место жительства в село Веселовское Краснозерского района. Старшая сестра Майя с 5 по 8 класс училась в этом селе и жила в интернате, Пришла пора мне идти в пятый класс и мама стала настаивать о переезде всей семьи, так как уже ходил в школу младший брат – Сергей.

Мама до самой пенсии была заведующей Веселовской сельской библиотекой и за 20 лет работы в учреждениях культуры проводила большую просветительскую работу среди односельчан: переписывалась с Василием Макаровичем Шукшиным и другими известными писателями нашей страны, была редактором и ведущей местного радио, написала историю села Веселовское.

Вера Николаевна Свириденко - автор многочисленных рассказов о своих земляках, полных юмора, любви и уважения к ним.

Все остальные жители этого поселка уже пенсионеры, большинство из них живут в селе Веселовское, т.к. поселка Ново-Московский давно уже нет.

Милые, дорогие моему сердцу люди! Как хорошо вы жили, как весело звучали ваши песни за околицей деревни, когда вы возвращались с дойки. Помнятся мне деревенские свадьбы, проводы в армию, участниками которых были все жители нашего маленького дружного села.

**Л. Крутей.**

### **Огни Павловки**

Интересные люди жили в Павловке. Широкие по натуре, по поступкам. Павловку основали те, кому тесно в Лобино стало. Добровольно сговорились несколько крепких хозяев и в 1914 году наделы нарезали, как полагается на членов мужского полу. И свои деревянные крестовые дома перетянули из Лобино, против озера Льяного рядом поставили.

Один из организаторов переселения Никита Петрович Евтухов. Его брат Сергей, посоветовавшись с плотником (Тарас Григорьевич, был такой), перевоз дома провел позже методом, какого в книге Гиннеса не найдете. Целиком, не разбирая крышу, опустили на шесть повозок, запрягли по паре коней и так перевезли. Головы, руки, канаты – и ни одной лебедки! Во, как!

«Чудно было смотреть, как плыла эта крыша», - свидетельница того переселения Агафья Сергеевна Евтухова (ныне Винникова) с восхищением до сих пор передает о

том. (Между прочим, дом тот перетянули позже в Краснозерское в разобранном, конечно, виде, на ул. Чкалова стоит.)

Никиту Петровича старостой выбрали. Сергей Петрович Евтухов, регент церковного хора Лобинской церкви, тоже был хозяйственный. А Агафье Сергеевне, видно, от той евтуховской закваски – напористый говор, интерес, непоседливость достались.

«Отец, Сергей Петрович, все для хозяйства приобретал. В доме на столбе две фуфайки, а на дворе лошади, скот, инвентарь. Плуги, молотилка, два амбара. Мы, детвора, с восьми лет на пашне. Не столько помощники, сколько учились снопы вязать, сено сгребать. Как помню, пашни хорошие. Зерно везут – рядом подстилают, чтобы не терять. В колке валежник собран, травы выкошены. По именам так и звались: Лазарев колок, Шкуркин. В сезонные работы объединялись и по очереди молотили. В зародах зерно вылежится – красное высыпается. И жили ровно, шибко бедных не было. Пьянки не мешали. Только по праздникам большим да свадьбам гуляли. Иначе б с работами не поспеть, Плотник, помнится, Шейкин, выпить любил, возьмет веревочку, привяжет денежку и вдоль деревни – кто позарится, самогонкой выручит.

... Павловские свои подрастали, женились, отделялись, рядом избенку ставили, так и второй ряд домов появился. Вся Павловка родня: Евтуховы, Кулешовы (любители кулачных боев), Дмитриенко, Шкурченко (волостной писарь), Петунины, Бобынины, Скороплетовы (семь братьев, Федосья –лекарка, Вера Лазарева повитуха), Гейко Федор – плотник, Коротковы. Деда Гапоненко за песни прозвали Козловским.

Семьи большие. У Кулешовых до 18 человек вместе жили. Четыре сына: Яков, Петро, Павел, Константин снох привели. Послушание и уважение стариков лад вносило. Мать распорядилась средствами всех, отец, Никита, работы направлял.

В гражданскую войну слух прошел, что колчаковцы (или белочехи?) Павловку не минуют. Так мужики с вилами обороняться было вышли, как и положено мужикам. Даже дедок Федот косою вооружился. Слава богу, обошлось. И участники первой мировой Бобынин и Хаврошкин из плена возвратились.

Из рассказа Агафьи Сергеевны:

« После смерти отца четверо нас осталось у матери и бабушка еще. В хозяйстве по пять коней, коров, овцы и все прочее. Приняла мать в мужья Матвея Трофимовича Сахно (батрака других хозяев) и на него все переписала. Потом это спасло нас от раскулачивания. Но ведь все в колхоз отдали. А кто в колхоз не хотел, те выселялись (Надточий, Долгих и другие), так образовалась «Семихатка».

До 1926 года, школы в Павловке не было. Приезжие учителя (агитаторы все больше) учили, так тогда хату снимали под занятия. А потом учеников заставляли агитировать родителей за колхоз да еще грамоте женщин учить. Учить мне нравилось. Писали на графитной досочке, сотрешь, и дальше. Мать просила из –за своей неграмотности письма мужу, солдату царской охраны, писать. Хотела, чтобы мы грамотой овладели...

До 15 лет не учившаяся, Агафья Евтухова и грамоту успешно одолела, и первой на трактористку выучилась. Но на первом колеснике «Интернационале» работали Роман и Петро Скороплетовы и Григорий Бобынин, поскольку Агафья на новокузнецкие стройки отправилась.

С первым председателем павловцам повезло. Алексей Васильевич Блаватский был справедлив, ему верили, подчинялись, боялись. Масло с маслобойни сам в Славгород отвезет и рассчитает людей без обиды.

Многое потом выпадет Павловке. На войну проводит 50 мужиков и только 6 из них вернутся. Примет Павловка переселенцев (в их числе Леонида Гольцмана, державшегося за сию пристань у Льяного озера долго после отъезда всех павловцев).

Будет в войну с деревенскими женщинами крутить веялку по ночам, а днем учить детей учительница Клавдия Андреевна Шкурченко.

Между прочим, сколько говорено на тему образования, а вот сидят старушки, учительница одна из них, и говорят разумные для осмысления вещи. Мол, совсем неплоха была учеба по ступеням, в 1- 4 классе читать, писать, слагать, вычитать учили всех. А уж дальше мать с отцом видели, кто желал учиться. Тех по квартирам определяли, на тех тратились. Так и отсеивались те, кому учеба в тягость.

Учили в две смены, столько было ребятшек. В 1972-м, в аккурат перед эпохой развитого социализма, школу закрыли.

Павловка. Деревня Павловка. Схожесть с женской судьбой во многом: терпеливая, работающая, озорная. Павловские все статные в молодости, крепкие в старости, зараженные азартом к жизни. Разговаривают, а в глазах смешинки то и дело. Сестры Коротковы Акулина и Мария, Мария Евтухова (Валько), Александра Лазарева, Анна Дмитриенко. Лукерью Шкурченко (жену Федота Герасимовича, ветеринара) помнят многие за каравай хлеба, что пекла для бригады.

Елена Короткова. Ганна Евтухова...

Какие красавицы, песенницы, в любой день с песнями, отпускали их как птиц, а с ними и усталость свою.

Озоровали. В горячую от свадьбы избу на коне верхом въехала Ганна, чем крепко мужиков озадачила: как в такие невысокие двери? И до любимого на свиданье иная слетать могла на жеребце, к которому и днем не всяк подойдет...

Вот такой и проснулась Павловка еженощно Екатерине Дмитриенко. Вроде жизнь сложилась, а закроешь глаза в том далеке, и... в родной опять деревне. Где ценилось свое, уважение к старшим, трудолюбие, порядочность. В сословии крестьянском порядочность во всем блюли...

Сопротивлялась Павловка умиранию долго. Медпункт, клуб, магазин – все закрывалось, в 1987 году и скот убрали, как и не было славы доярского коллектива при управляющем И.Н. Меркушеве.

Ровно 10 лет назад там три семьи зимовало: Василий Петрович Лазарев с матерью Евдокией Ивановной, без малого столетняя Ефросинья Матвеевна Кулешова с дочерью Дарьей Викторовной и Гольцман Леонид Иванович и Зоя Петровна. Гольцманы потом держались одни, а через год появилась информация, что больше нет такого села в АО «Сибирь» и Кайгородском сельсовете. Арендаторы там пробовали осесть. Потом остов несостоявшегося предприятия добавился. Птицеводы в летний период используют озеро. Там в сохранившихся домах еще вспыхивают огни, зажженные временными жителями. Мерцают насмешливо: а вы меня не рано списали?

Дыши Деревня Павловна.

### **3. Безызвестных.**

## **Из хроники поселка Первомайское.**

1928 год. Веселовские крестьяне начали обосновываться на выселках, в том числе в поселке Первомайское.

Партийная организация села Веселовское поручила Волошину Макару Архиповичу организовать там товарищество по совместной обработке земли.

В это же время перед коммунистами поставили задачу: собрать у крестьян весь лишний хлеб и отправить в город. Для этого создали балансовую комиссию, которая определяла, какое количество хлеба должен сдать тот или иной хозяин.

В поселке создалась непростая ситуация. Только что излишки хлеба у населения собрала комиссия, как вызывают М. А. Волошина на партийное собрание и дают новое задание: во что бы то ни стало собрать 600 пудов хлеба и организовать его вывозку. Макар Архипович отказался, объяснив, что на днях мужики сдали все, что им причиталось. Дополнительного хлеба в поселке теперь не найдется.

За отказ выполнить партийное задание, М. А. Волошина исключили из партии, где он пробыл с 1922 по 1928 год. А хлеб у мужиков все-таки нашелся, правда, не столько, как давали задание. У М. Андронова нашли около 6 пудов и еще немного кое у кого.

Началась коллективизация. Поначалу крестьяне не хотели идти в колхоз, боялись расставаться со своим личным хозяйством. Нужно было и скот, и сельхозмашины объединять в общее. Созданные комиссии для агитации крестьян вступать в колхозы ходили по подворьям и разъясняли политику коллективизации. Часто случалось такое, что мужа уговорили вступить в колхоз, но жена против, плачет в голос, просит мужа не делать этого. А иногда этот спектакль был подготовлен мужем и женой заранее. Тогда приходилось вначале агитировать жену, а потом мужа.

В конце концов, крестьяне поселка Первомайское все-таки организовали колхоз. Назвали его «Майская Заря» и работали на совесть.

В мае 1941 года все мужчины, кроме стариков и подростков, были взяты на месячные военные сборы в г. Славгород. Потом началась война. По приезду со сборов председателем колхоза «Майская Заря» был назначен Макар Петрович Янчарин, младший брат С. П. Янчарина, первого председателя колхоза «Новый путь» (п. Ново-Московский). Он помогал брату создавать это коллективное хозяйство и одним из первых вступил в колхоз «Майская Заря». В начале работал кладовщиком, затем долгое время зав. животноводческой фермой. В начале войны его взяли на фронт, но потом вернули, дали бронь и поставили председателем колхоза. Всю войну он проработал в этой должности. Сколько раз просился на фронт! Военком всякий раз отказывал, ссылаясь на то, что в тылу тоже нужны кадры.

А работать было нелегко. Люди трудились много, без отпусков, без выходных, почти без отдыха. Макар Петрович рассказывал, что в его колхозе осталось пять стариков, женщины, подростки. Сейчас эти дети сами уже родители и хорошо помнят эти трудные военные годы.

Сохранилась благодарность Веселовского РК партии и райисполкома Макару Петровичу (она хранится в музее), в которой отмечают его честный и самоотверженный труд в весеннем севе, высокие показатели, помощь родной Красной армии: «Мы уверены, что вы, как патриот Советской Родины, и впредь будете с удвоенной энергией трудиться в тылу» – так говорилось в благодарности.

В те годы весь хлеб, кроме семенного, колхозы сдавали государству. Один год Макар Петрович решил оставить два центнера хлеба и продержать его до весны, чтобы потом во время сева его размолотить и хоть баланду варить для пахарей и сеяльщиков. Люди ведь пахали на коровах, целый день ходили за плугом. Сеяли

вручную. Ходили по паханому полю, на веревочке на шее неся ведро пшеницы. И целый день от восхода до захода солнца рукой махать, сеять – нелегкий труд. Тяжело. Да еще голодом. Нужно же было их чем-то кормить. Вот для них он и оставил эти два центнера хлеба.

Но приехал представитель райкома, проверил все амбары, нашел эти два центнера и заставил сдать государству, сказав: «Судить тебя надо за этот хлеб по законам военного времени. Но ты лучший председатель колхоза в районе, да и детей твоих жалко».

А детей у Макара Петровича было десять. Всех они с женой вырастили и воспитали трудолюбивыми, добросовестными, порядочными, добрыми и скромными. Все они пользуются авторитетом, уважаемые люди на селе и на производстве. Сын Павел был вначале механизатором, затем бригадиром тракторной и комплексной бригады. Бригада была всегда передовой. Голоса Павел Макарович никогда не повышал, но слушались его всегда с первого слова. Проработал он с женой Натальей до пенсии, да и после до самой кончины. Их сын Василий до пенсии трудился в хозяйстве.

Два старших сына у Макара Петровича погибли на фронте.

Он не имел наград – тогда тыловикам наград не давали. Как-то с болью в душе поведал он мне, что когда в день Победы идут фронтовики на митинг к памятнику погибшим в войне и них на груди сияют награды, «мне тяжело и обидно, что мой, да и не только мой труд, остался незамеченным».

В трудное военное время люди были дружны, помогали друг другу, как могли и чем могли. А не было бы такой дружбы и сплоченности тыла, наверное, не смогли бы мы победить в войне.

И как только выжили! Даже спичек почти не было. Как только заметят утром, что у кого-нибудь затопилась печка, так все соседи бегут с чугунами за красным горящим углем.

Так жили. Подрастали дети у Макара Петровича. Вот и дочь Полину стал отец отправлять в обоз то за рыбой, то за зерном. Мать Александра Савельевна (мать-героиня) просит пожалеть дочь, ведь она совсем маленькая, под быком пройти может. «Нельзя, мать! Что мне скажут люди? Мол, свою дочь не посылаете на работу, а наших всех посылаете».

Маленький Алеша с детства любил лошадей, да так и остался конюхом, как подросток.

...Началась мирная жизнь. Жители поселка строили дома, животноводческие помещения. Растили скот, хлеб, детей.

Долго и добросовестно работал старшим чабаном Тимченко Андрей Иннокентьевич. Всегда настойчиво требовал от руководителей, чтобы вовремя были отремонтированы и утеплены кошары, чтоб подобраны были хорошие сакманщицы и чабаны.

Хорошо работали доярки Посохова Полина, Честных Анна, тракторист Честных Геннадий, комбайнер Посохов Николай. Честным тружеником был Лука Волошин. Активной в работе была Домна Волошина. Пусть будут о них добрые воспоминания у ныне живущих.

**В. СВИРИДЕНКО.**

## **ПОСЕЛОК ПЕРВОМАЙСКИЙ. ИЗ ЖИЗНИ ШКОЛЫ.**

*Фото №8. М.А. Гавло и Ю.Н.Кожушко (Тур) с учениками.*



Мои воспоминания о работе в школе и жизни в поселке Первомайском Веселовского, а с 1963 года Краснозерского района.

В поселок я приехала 6 апреля 1960 года по направлению Веселовского района работать учителем начальных классов, заменив ушедшую в декретный отпуск Долгову Марию Сергеевну, да так и осталась работать и жить в нем по май 1968 года.

Школа была старая, деревянная, из бревен. Она состояла из двух классных комнат, комнаты для учителей и коридора. Отоплялась 3 печками углем и дровами. Школа была двухкомплектная. А с 1965 по 1968 стала однокомплектной.

Работать начала я с Раисой Павловной Чевердиной, но к сентябрю этого года по семейным обстоятельствам она уехала. На ее место назначили заведующей школой Кожушко (Тур) Юлию Николаевну.

Большая ответственность быть учителем в малом поселке. Нужно было школу поддерживать в порядке и озеленять территорию вокруг нее, потому что весь школьный двор был заросшим бурьяном. Ответственные были за агитационную работу, работу десятидворок. Нужно было и в клубе поддержать досуг молодежи, организовывать танцы, так как кинофильмы привозили редко.

Нужно всегда было помнить и чувствовать, что ты учитель, хотя и начинающий.

Ни одни выборы не проходили без участия учителя.

С января 1962 года и по май 1968 года я была назначена заведующей школой, так как Юлия Николаевна по семейным обстоятельствам уволилась и была переведена в Рождественскую школу, что расположена в 3 километрах от поселка.

Большая ответственность за школу, все заботы и учебные, и хозяйственные легли на мои плечи. К этому времени нужна была новая изгородь вокруг школы, кирпич для перекладки печей, которые тоже нуждались в замене. К этому времени ввели бесплатное питание в школах. Грели чай, по доверенности на месяц брали из магазина конфеты, печенье, пряники. Грела нам чай и мыла стаканы наша незаменимая тетя Катя (технический работник).

Все хозяйственные дела нужно было решать в Веселовском сельском Совете. Часто приходилось занятия переносить и на выходной день, так как в будние дни можно было решать дела в райцентре. Правда, всегда шли навстречу бригадир Купин Иван Петрович и бригадир полеводства и незаменимый депутат сельского Совета Янчарин Павел Макарович. Они чем могли, помогали. Старались во всем поддерживать, так как их дети в то время обучались в нашей школе.

В поселке люди жили дружно. Родины, крестины, свадьбы, проводы в армию или проводы в последний путь – все это делали почти всем поселком. В эти годы все работы выполнялись на лошадях. Заготовка топлива, сена для скота – все было вручную, да на лошадях.

Жить, конечно, было интересно, потому что мы были молодыми, полными сил и энергии.

Немного напишу о своем муже, Гавло Анатолии Васильевиче. Он родился в этом поселке в ноябре 1937 года, учился в этой школе. Закончил курсы трактористов и долгое время работал на тракторе. Потом работал учетчиком в тракторной бригаде, а когда колхоз перешел в совхоз «Районный», то он работал в отделении «Первомайское» бухгалтером до мая 1968 года, пока наша семья не переехала в село Веселовское.

**ГАВЛО М. А., ветеран педагогического труда.**

## БЛАГОДАТНОЕ МЕСТО

*Фото №9. Н.Волошин.*

Садомное... Милое Садомное!

Ты как искорка в глубине ночи: далекая, мерцающая, манящая... И чем дальше по жизни отдаляюсь я от тебя, тем теплее и ласковее ты мне кажешься. А, пожалуй, не мне одному. Смею надеяться.

...Умные люди выбрали место под село. Может, по «высочайшему указу», тычком пальца в карту. А, может, первопроходцы – поселенцы пришли сюда, да и ахнули:

- Благодать-то какая! Ну, чисто сад! Быть здесь нашему селу. И название ему – Садомное!

Не знаю, так ли было на самом деле. Не знаю имен первопоселенцев (сам виноват, в свое время у стариков не спросил). А вот место для села выбрано, действительно, очень удачное.

Главная улица, шириной метров сорок – пятьдесят, протянулась примерно с юго-запада на северо-восток, длиною в полтора километра. Причем, одна сторона улицы северо-западная, выше противоположной. И даже после сильного дождя, весенней или осенней распутицы, всегда была практически сухой, проходимой. А поскольку улица широкая, не разбитая колесами и гусеницами техники, а поросшая травой-муравой, то проходимой эта улица была всюду и в любое время. Не считая зимних сугробов, конечно.

Все производственные помещения – животноводческие объекты, зерноток, сушилка, молокозавод... - находились за колком, напротив центра села. Умно, удобно. Лишь ветряная мельница (на моей памяти уже не действовала) находилась на открытом месте за другим колком.

Почти со всех сторон село «сторожили» березово-осиновые колки, с густым акациевым подлеском. И местным пчеловодам (а они были) не требовалось вывозить куда-то свои пасеки: медосбор начинался чуть ли не у крыльца хозяина.

Что касается выгона скота на пастьбу, то и здесь сложности не имелось. У юго-западной окраины села находилось займище Морозовой ляги. Для домашнего скота там простора хватало. А общественное поголовье коров, телят, овец, лошадей содержалось в основном к северу от села – на естественных травостоях Алешкиной, Гусиной и Питюшиной ляг, а также в Травянке. Это в сторону Полойки.

На моей памяти (до середины пятидесятых годов прошлого века) в селе действовал Садоменский сельский Совет. В его зону входили поселки Луговой, Кулема, Большевик (Яровой и Ленинградский – не знаю). Последними председателями Совета были (если не ошибаюсь) – Сурин Василий Васильевич, Ильинов Петр Павлович, Дробченко Яков Павлович(?).

Теперь надобно сказать о школе. Еще в конце сороковых годов (или даже в начале пятидесятых) в селе действовала семилетняя школа. Про интернат – не знаю. Наверное, не было. Но потом, по какому-то «решению» школу «перенесли» в поселок Луговой. Вернее, там построили деревянное здание с трех-четырьмя классами, узеньким коридором и крохотной учительской. Да еще выделено два примитивных помещения – одно под интернат, другое – под мастерские.

Так вот, если раньше ученики съезжались в Садомное (самый дальний поселок Кулема, около 11 – 12 км), то в Луговскую школу добирались абы как мальчики и девочки даже из поселков Яровой и Ленинградский. А это уже 15 – 16 километров.

Для Садомного же перевод семилетки в Луговое стал первым толчком к распаду. Старые люди называли и фамилию «автора» этого решения, но я воздержусь от ее написания. Не возьму грех на душу.

Мы же, садоменская ребятня, учились в своей начальной школе. И на всю жизнь сохранили хорошие воспоминания о своих первых учителях – Лидии Ивановне Татариновой, Александре Семеновне Сапруновой и Марии Митрофановне Черновой. А семилетку заканчивали в Луговом, среднюю школу – в Краснозерске.

О садоменцах отзывались как о людях трудолюбивых. Правда, сами садоменцы, бывало, откровенно пошумливали, когда им несправедливо занижали колхозную или совхозную зарплату.

- Труд должен быть оплачен!- говаривали они.

А разве это не так? Разве сегодня другие подходы к труду и заработной плате?

Но выпадало время и свободное от трудовых забот. И тогда люди шли в клуб – кино ли посмотреть, на собрание, или постановку местных (самодеятельных) артистов оценить.

Помню старенький тесный клубишко, в котором даже киноаппаратура устанавливалась прямо в зале. Однако потом, разобрав старую мельницу, к клубу пристроили киноаппаратную. Киномехаником в ту пору был Михаил Ряписов. Он обслуживал несколько поселков.

А вот строительство нового, просторного клуба, за магазином, напротив центра села, у опушки березовой рощи, шло методом народной стройки. Вместительное получилось здание. Рядом с клубом – волейбольная площадка. Она вечером не пустовала с весны и до самых осенних работ.

Да и молодежи тогда было много. Хотя старики ворчали: «Вот раньше молодежи, ох, сколько было!»

И ворчание стариков не было беспочвенно. Даже на моей памяти – пятидесятые годы – каждый вечер (летом) парни и девчата собирались вместе, кто-то играл на гармошке, принаряженные девчата песни пели... Но уже в шестидесятых годах этого не стало.

Село «усыхало», люди стали разъезжаться...

Но я, виртуально, пройду по селу середины пятидесятых годов. Делать мне все равно нечего – на пенсии. Начну, пожалуй, с крайней хаты южной (условно) стороны улицы. Раньше здесь жил Федор Алерборн, затем – Алексей Бортников. Потом избушка старушки (фамилию не помню), следующая усадьба Полины Фокиной, через переулочек – Евдокии Сапруновой. Пробел в памяти, а далее – усадьба Игната Петровича Евдомашенко (здесь же жил и Чернов Василий Васильевич). Потом – камышитовый пятистенок Кохоновой Анны Федоровны. Ее сын Анатолий Николаевич дослужился до майора авиационных войск по техобслуживанию.

А вот вхожу в дом своего деда – Амелина Ивана Егоровича. Это сейчас он – камышитовый пятистенок. Но мне смутно помнится приземистая избенка о двух комнатах. Маленькие оконца, земляной пол, куры зимой под печью, теленок у дверей, и я, малец, на печи соплю отогреваю...

На этом же подворье построил деревянный дом Александр Амелин, сын моего деда. Пятерых детей с женой Катериной завели. Александр Иванович единственный в селе, а, может, и в округе, кто убирал хлеба сцепом из двух комбайнов «Сталинец-6».

Далее находится усадьба Трунина Фирсантия (его я не помню), потом – Сапрунова Василия (его жена Александра Семеновна – учительница), Трунина Семена Васильевича (с его дочерью Зиной учился в одном классе).

А вот изба Натальи Евсюковой. Сложная судьба была у женщины. Но здесь отметим, что Наталья Евсюкова славилась как комбайнерка, запросто управляла комбайном «Сталинец-6». По всей видимости, отголосок военных лет. Не знаю.

Проходим мимо домов Семена Сапрунова, Федора Глока, Михаила Алерборна (раньше на этом месте жили Безменовы), Михаила Евсюкова. Переулок и – подворье Екатерины Сапруновой, ее сын Алексей сорок лет проработал шофером в Краснозерской ветстанции. Сорок лет – на одном месте!

По-особому смотрится маленький домик Скворцовой Анны Степановны. Муж Александр – механизатор, она – доярка, Примерно в середине 60-х годов она – депутат областного Совета.

Далее следуют усадьбы Сапруновой Зинаиды, Ковалева Ивана Петровича, Перепилицы Федосея Владимировича – «главного» сапожника не только села Садомное, но и поселков Большевик, Луговой, Яровой.

Проходим мимо усадеб Дробченко Якова, Никулиных, Трунина Петра Фирсантьевича (объездчик), на секунду остановимся у хаты Филиппа Захарова. Это его сына Николая убьют «кулаки» по дороге из поселка Яровой в Садомное. Ему – памятник в Краснозерском.

А у нас на пути пятистенки Фокиных. С Иваном Фокиным я учился в школе. После службы в армии он не надолго приехал в село, а потом отбыл на Дальний Восток, где и осел.

Домики Синянских, Казаковых, Виктора и М. Глок... На самом краю этой стороны домики Анны Пехенько, Александра Никулина (?)... Все, больше не помню.

Возвращаемся обратно, но уже по другой стороне улицы. Афанасий Вейт... Не помню... Домик и ухоженная усадьба моего друга детства и юности Ивана Роппеля. Через проулочек – саманная хата Сергея Васильевича Сурина, далее – Ушаковы (Мезенцевы)... Не помню... Крепкий дом ветсанитара (или ветврача) Сергея Петровича Евдомащенко, пятистенки Ивана Ивановича Глока (сам он рисовал нам на елку замечательных коней, которых мы раскрашивали), хатенка Ивана Зеленского, пятистенки Пейды Вейт... Не помню..., хата Михаила Глущенко (?). крепкий дом Прокопия Трунина – у него на постое был зав. почтовым отделением Алексей Науменко, камышитовый пятистенки Фоломеевых и...

Магазин! Самый центр села. В нем имелись различные товары: от посуды-хозяйственных и инвентаря, до мануфактуры, одежды и продовольствия. Почти «микромаркет».

А рядом – дом Анны и Василия Суриных. Следом – семья Ивана Ивановича Горбунова (шесть детей). За ними усадьба Василия Васильевича (?) Татаринова. Если я правильно помню – девять детей. Его младший сын Михаил в будущем (2006 г.) – заслуженный врач Российской Федерации.

На небольшом пригорке маленький домик Ивана и Феклы Родионенко потом, кажется, жили Василий и Анна Пантюховы... Не помню... Контора Садоменского отделения (ранее здание сельсовета), не помню... Начальная школа... Усадьба

Михаила и Анны Гловых (шесть детей). Потом на этом месте был построен двухквартирный дом с единственной в селе шиферной крышей (одна квартира – Василия и Марии Черновых).

Избушка Софьи Гловой, далее камышитовый дом Толстова Павла Тимофеевича – последнего управляющего Садоменским отделением.

Через переулочек – саманная хата Суриной (Васиной) Пелагеи, усадьба Летиных (?), дома Степана Афанасьевича Федечкина, Анастасии Ильиной... Марии Сапруновой... крайняя изба – Полины Бортниковой (Селезневой?).

Все? Ой, нет! Во-первых, пропустил дом Ивана Франка (шесть детей). А во-вторых, у села было два переулка. Один из них я помню смутно – это напротив сельсовета. В одной избенке, кажется, даже бывал мальцом. Жил там Василий Сапрунов (?).

А вот второй переулок существовал долго. Пройдемся и по нему. По правому ряду первая хата Евдокии (?) Пиденко, потом камышитовый дом Николая Ситникова, за ним деревянный дом Тимофея и Варвары Толстовых. Он бессменный конюх в колхозе и совхозе, она – техничка-уборщица в школе. Восемь детей. Левая сторона – усадьбы Кузнецовых и Киричок.

Но и это не все. Люди приезжали и уезжали. Помню фамилии Путинцевых, Пушкиных, Эклер, Пукало...

Да вот еще о чем забыл упомянуть. Садоменские чабаны Михаил Франк и Михаил Глок были лучшими чабанами в Полойском совхозе, и одними из лучших в Краснозерском районе. Повторюсь, садоменцы лентяями не были.

... Вот и прошелся я по родному селу. В какие-то дома и избы заходил, здоровался с хозяевами, разговаривал с ровесниками (той поры). Но многих уже давным-давно нет на этом свете. Земля им пухом.

А все же хочется думать, надеяться, что память о Садоменном заложена в их потомках, внуках и правнуках. Например, мой старший внук Сережа знает, где находится Садоменное, бывал здесь. И мой рассказ для него был интересен. Поверьте, это многое значит.

И последнее. Отчества, а иногда и имена некоторых садоменцев я не помню. Поэтому они и не написаны. Возможно, малость путался и во времени.

...А место здесь действительно благодатное. Давно нет села, но растет тут не крапива и всякий чертополох, а колосится ядреная пшеница. И не нами замечено: хорошее место родит добрый хлебушек.

**Николай ВОЛОШИН, житель с. Садоменное 1944-67 годов.**

Июнь 2009 г.

# Из истории села Садомное

## I Погибли на войне, пропали без вести

1. Татаринов Григорий ...
2. Бортников Дмитрий (Алексеевич?)
3. Руденко Пётр ...
4. Бондаренко Василий Данилович п/б
5. Синянский Степан ...
6. Ильин ... ..
7. Мезенцев Сергей Степанович
8. Фокин Павел Ионович
9. Фоломеев Григорий Павлович
10. Лихолобов Василий Павлович п/б
11. Никулин Егор ...
12. Евсюков Василий Фёдорович
13. Лихолобов Иван Павлович
14. Антошин Демьян ...
15. Фокин Григорий Григорьевич
16. Ильинов Тихон Ефимович п/б
17. Ильинов Павел Ефимович
18. Ильинов Яхим (Еким, Яким) Ефимович
19. Васин Пётр ...

## II Пришли с фронта (израненные, контуженые, покалеченные)

1. Федичкин Степан Афанасьевич      братья
2. Федичкин Михаил Афанасьевич
3. Васин Григорий ...
4. Толстов Тимофей Павлович      отец и сын
5. Толстов Иван Тимофеевич      война с Японией 1945 г.
6. Глотов Михаил Осипович
7. Пантюхов Василий Степанович (сам из Лугового)
8. Пантюхова Анна Васильевна (медработник)
9. Сурин Василий Васильевич      братья
10. Сурин Сергей Васильевич
11. Евдомашенко Сергей Петрович
12. Трунин Пётр Фирсантьевич
13. Дробченко Яков Павлович
14. Ильинов Пётр Павлович
15. Перепелица Федосей ладимирович
16. Трунин Семён Васильевич
17. Амелин Иван Егорович      отец и сын
18. Амелин Александр Иванович
19. Евдомашенко Игнат Петрович (война с финнами ?)
20. Горбунов Иван Иванович
21. Ситников Николай Никифорович

## III Первыми в Садомное прибыли, основали село:

1. Сурин Василий Давыдович
2. Родионенко Терентий Васильевич
3. Исионов Михаил ... ?
4. Ильиновы Тихон, Павел, Яхим
5. Глотовы: Никита Стефанович, Осип Стефанович и Михаил Осипович
6. Ситниковы ... ?
7. Позднее – Трунины (?)

## IV Арестованы «по линии НКВД»

1. Трунин Фирсантий Акимович
2. Трунин Василий Акимович
3. Фоломеев Никита ...
4. Ярых, отец и сын Егор, за убийство Николая Филипповича Захарова
5. Селезнев Максим ...

## V Информацию подготовили:

Кохонов Анатолий Николаевич (1940 г.р.)  
Волошин Николай Кириллович (1944 г.р.)  
По данным Кохоновой Анны Фёдоровны (1920-2010 г.р.)

P.S. Немало фамилий и имен выяснить уже не удалось.  
Не у кого.

Май 2010 года.

*Фото №10. Е.Н. Сапрунова (с гитарой).*

В родном селе и солнце ярче светит,  
В родном селе и черный хлеб вкусней.  
В родном селе смеются звонче дети,  
В родном селе и небеса синей.

Эти строки посвятила своей малой Родине - селу Садомное Евдокия Никифоровна Сапрунова. Предлагаем вам ее воспоминания.

Мой дед по матери – Радионенко Терентий Васильевич, он со своим кумом Михаилом Исионовым дорожками были. И выбрали это место. Приехали сюда в 1910 году, в месяце, когда грач в пшенице хоронился, пять семей: Радионенко с Исионовым, Трунины, Сурины, Евсюковы. Все из Воронежской области. У дедушки с кумом было по восемь детей. Он, Терентий Васильевич, первым ступил на эту землю, а я последней с нее ушла в 1978 году. Почти год с мужем Федичкиным Михаилом Семеновичем жили одни в уже разъехавшемся селе.

Эх, Садомное, Садомное!

Жили трудно, всех коснулись и революция, и война, и голод, холод... Живя в Краснозерском, поеду с мужем, бывало, на свою земельку милую, там и дышится легко. Все кустики и тропиночки родные о детстве-юности напоминают. Зеленая улица была, травой поросшая (мурыжником ее звали)... Ляги по обе стороны села, и в конце улицы Морозова ляга.

Наши садоменские старики и родители работяги и песельники были. И наше поколение научилось. Умели работать и плясать до упада. Председателем был Ильин Петр Павлович. Он говорил так: « Я вам дам в воскресенье выходной, но чтобы ходили по улице и песни пели».

Был еще Петр Васин, частушки сочинял. Я помню их. Например, про некоторых садоменцев:

Лешка спит, а бурка свищет.

Колоски кругом шумят.

Лучше выспаться под стогом,

Чем трудиться - скирдовать.

Не ходите, девки, в бор.

Не глядите на бугор.

Там сидит Маняша плачет:

Ее бросил ухажер.

Недоволен Петров Мишка,

Агитацию ведет:

- Что мне повар вместо мяса

Голу косточку дает?

Может, садоменцы догадаются о ком они, хотя я имена изменила. В селе были школа и клуб в одном здании, магазин, сельсовет, почта, медпункт. До Полойской грани шоссе наши люди насыпали вручную. Хатенки были, конечно, не такие, как сейчас строят, но беленькие, чистенькие. И ведь нашелся же разоритель всему! Четыре колхоза слили в один. И сам кулемский председатель выбрал себе место в

Луговом. От большой дороги, соединявшей райцентр – Садомное – Полойку, в болота, в сторону людей согнали. Школы, клуб перетянули, туда и тронулось село.

Мимо деревянного памятничка Захарову каждый день я бегала в школу и клуб. Кстати, конторы и другие учреждения располагались в домах и усадьбах кулацких – больших и красивых.

Да, еще вот вспомнила: один из первых поселенцев Василий Сурин привез своего брата. Тот 25 лет отслужил в царской армии, потом два года пешком домой добирался, у него и семьи-то не было...

Земли нарезались нашим дедам. В колхоз отдали – наши родители, но трудились все равно, как на своей земле. Мы работали на земле предков, равно от своей земли жили. Думаю, и наши б дети работали на тех полях, да пошла жизнь кувырком с укрупнения. И кому досталась наша земля!...

**Е.Н. Сапрунова.**  
*Фото №11. Жители с.Садомное*

## **ЧЕРТЫ КРАСЫ И БЕДСТВИЯ**

Впечатление после встреч: как выкраденные со своего места, сожалеют о нем люди. Молодежь, правнуки, не заметили потери махонькой деревушки, а у старших все солнце памяти сюда клонится.

Анастасии Федоровне Лысенко (Ставицкой) 93 года, на четверть века пережила она Туркеевку.

- А потому Туркеевка, что Туркеи (Туркеевы) первыми поселились здесь. Большая семья. Батько – Павел, сыновья – Митрий, Левонтий, Михаил, Андрей, Колька и ще дочка Дарья. Работали добре. Дом рубленый имели. А ще Сорокиных большая семья с ними поселилась, да из них, наверно, уже никого нэма.» (Хохлацкий говорок так и тянет передать слова в оригинале).

«Родители наши детьми в 1907 году сюда приехали. Их було 7. Нас у мамы 9 – Ставицких.

Не дуже крепко жили, ни грамоты, ни одежды. Мы нанимались к Туркеям за плату. И ходили туда к девкам. Катя, Поля, Аниска (шо там робили), нас угощали. Самовар, утюг у них побачили первый раз. Помню, они шибко бедным помогали едою. Зла на них не держали. А платили им за племенных бугая и жеребца, кто сводит скотинку, по нужде.

Угнали Туркеев потом, как кулаков, куда-то в тайгу (один из всех Митрий приезжал, рассказывал, как выжили там – тоже трудом). Имущество их продали тут же, наш батько, помню, диванчик самодельный купил.

А в колхоз когда сгоняли, так было жалко свою скотинку, пашню.

В Туркеевке дворов тридцать было на одной улице, а десять поодаль – через лягу, лесок. Озера вокруг разливанные: Горькое, Гусиное, Букашкино... Красиво...»

Легко складывается из слов мозаика бытования, черты красы и бедствия родных помнятся. Дружно жили хохлы, татары, мордва. И принимала всех младенчиков повитуха Апроська Сукманиха. На цыганской крови замешана династия Иванюк. Прасковья Максимовна одна из них, дочь председателя колхоза Максима Ивановича. «Тятя до людей добрый був, вот его и выбрали».



Вспомните, читатели, сериал «Вечный зов» и председателя Назарова: «Много проживешь – много узнаешь», вот с ним – то и схож Максим Иванович, даже в том, как фуражку носил. Тоже и войну, и тюрьму испытал (10 лет за пару коней, сорвавшихся в разлив с мостка), и как кузнеца знают.

Дочь председателя замуж выходила, одно платичко запасное имея, два рядна и подушку родней собрали.

И все слышатся собеседникам моим голоса Туркеевки. Мелодии песельника Оськи Туркеева, плывущие по низине («Оську – то заарестовали тоже, казали, враг народа, а он в войну за народ – то и погиб»). Звуки гармошек («Гарно играли Гриша Сорокин, Кайгородов, Шайдула»). Сами песни («Маты имела одну дочку, купала в медочку») – речитативом представили).

А Алексею Мышко голоса учителей помнятся, их руки. «Прасковья Михайловна Богатырева здесь начинала учительствовать. При ней приехала и моя учительница Вера Климентьевна (Тарасова)».

Высокая Прасковья Михайловна на сильных руках подкидывала махонького ученичка, росшего после смерти мамы (тоже из Туркеевых) в доме тети Дуси (Посоховой). У отца Федора Мышко- деревенского коновала (и лекаря людей при сильной нужде, например, зубной боли), забот хватало и кроме ребятни. Отец запомнился характерным, люди – добрыми. В 47-м, послевоенном несытом году на озеро опустилось множество гусей и... примерзли. И ведь туркеевцы выручили, вырубили изо льда стаю и отпустили (взяв немного дичи себе).

... Рука Алексея Федоровича справа налево жесты кладет, на свою родинку свозил и меня. «Здесь школа стояла, вон, памятником отмечено. Здесь я родился, в самом красивом доме - камышанке. Зеленые двери с красными петухами (как из радуги детства краски). Наискосок бабка жила, патефон всегда заводила как приду. Другим слышно было, за тем часто и подсылали...».

Холмики. Деревя сдвинулись, будто на улицу из усадеб шагнули за людьми. От этих мест оторвали Егора Туркеева, деда Хрена. Последнего уводили в зазимок. Дед, жалея сапоги, пошел босиком в холщовых подштаниках (может, потому и стал богатым, что берег все?).

Там Иванюков, там Киндяковых, деда Лакуши дома стояли. Лакуша в партизанах был. В Туркеевку, отгороженную лесками, белочехи не зашли. Хоть и стояла на пути к Лотошному. Хорошо примостилась Туркеевка на прямой дороге к Каинску. Просто потом не вписалась в чью – то перспективную политику.

Войну пережили, как все. Каленчук – трое, Помогаевых – двое, Левишко, Мовчан... Это все из списка невернувшихся туркеевцев. Пока мужики воевали, здесь женщины держали оборону. И не у одной Галины Яковлевны Ступак медаль за доблестный труд в тылу. Фронтовик Петр Григорьевич Ступак о своей Туркеевке и сейчас с гордостью: гремела, дескать, как работящая.

«Семьи большие, дружные, улицы без грязи. Если кто строит, вся деревня на помочах (помощи). Школу построили, клуб. Все потом раскатали, перевезли в Лотошное. Отец, Григорий Федорович, сапожником и пимокатом был в сапожне от кустпрома. Жили мы в доме деда Хрена. Я сначала на лошадях, а потом на тракторах работал. Сколь мною того железа перебрато, сколь горючки спалено. Хлеб растили, скот держали».

... Все к работе сводится разговор, видно, правда, этим жили. Помнят: сколько коров было, что за четыре овцы племенную свиноматку председатель приобрел, в

каком году в совхоз перевели, что колхозы им. Петровского и им. Жданова назывались.

А по жизни – одной семьей стали после смешения родов туркеевцы. Знали своих героев и доносчиков. Туркеевы, как их не сковыривали, след свой оставили во внуках, что разошлись во все стороны. И в диванчике, что еще кому служит. В названии деревни.

« И вся – то душа там, - печальное признание Лиды Роговой (Лысенко) - в родной, самой лучшей. Здесь в Веселовском вроде я временно живу».

... Я там не жила, но я с ними печалюсь.

### **3. Безызвестных.**

## **СТОЯЛИ ШИШИКИ НА БОЛЬШАКЕ**

Как раньше основателей села Лобино привело в Сибирь стремление к земле, так по той же причине новопоселенцы Шишиков из Лобино выезжали. Не хватало людям земли вокруг большого села. И выселились в 1926-28 годах десятка два семей к озеру Шишики. По рассказам старожилов, чтобы не в обиду было, жребий кидали, кому там селиться. Те годы с 1922 по 1928 называют теперь историки годами реванша крестьянства. Бурно развивались мелкотоварные хозяйства и добровольная коллективизация снизу появлялась. В трудовом пользовании земля, сам владелец – сам работник.

В Шишиках крепкие семьи осели. Большие. Корни которых в Курской, Самарской, Харьковской областях. Даниловых – 7, Антоновых – 8, Грищенко – 6, Анохиных – 7, Кайгородовы, Рожковы, Поповы, Абраменко, Афанасьевы... В основном русские. И у многих свои баньки были (в отличие от некоторых других деревушек). Из времянок-пластянок быстро перебрались в деревянные, хоть и небольшие дома, крытые камышом и соломой с глиной. По датам их постройки, что отмечены в похозяйственных книгах, хранящихся в архиве, идет отсчет жизни Шишиков, совпадающий с рассказами людей.

Вдоль дороги, ведущей из Лобино в Карасук, вытянулась одна улица. Озеленением не отличалась. Рощица (или, как ее называли, дубрава) примыкала с одной стороны. Почему Шишики – сказать о названии некому. Может, болотная нечисть – шишига – причиной. Может, шиш с озера с рыбалки приносили...

В 1989 году на месте исчезнувших Шишиков прошел праздник-встреча тех, кто жил здесь. И, основное, о чем вспоминали старые и молодые, оказалось дружное житье, дружная работа и ягодные поляны. С благодарностью деревне-матушке вспоминалось.

О жизни одиночников известно, что земля родила все: зерно, бахчевые, овощи, коноплю. Пьянством не болели. Гармонисты только в праздники душу отводили. Было что одеть, обусть, пимокаты свои, здешние, а шубы шил Афанасий Рудов из Палкина Водопоя, приходил с машинкой, кому шил, у того и квартировал.

К обязательной коллективизации сверху настороженно отнеслись. Участница женского слета Москаленко подписи своей под обращением не поставила, мол, бабы села такого не поручали, обдумать надо. В принципе, обдумалось все и без крестьян... Колхоз назвали «Путь к социализму». И первым заказали путь трем «врагам народа»: владельцу мельницы Сасину, коновалу Федору Афанасьеву и деревенскому пастуху деду Трошке Криковцову.

Прилежные к земле крестьяне, конечно, продолжали хлеборобствовать: свое ведь все вокруг, жалко и скотину, и поле.

« Сначала плохо, голодно было, а потом после года 33-го, хлеб стали получать на трудодни, крупы. Ферму поострили, школу, магазин,- перечисляла Клавдия Петровна Абраменко. – Дружно жили».

Сама она из рода Афанасьевых. Муж, Иван Кириллович, из другого хлеборобского корня, в котором мужиков от земли только войны отрывали. Дед Абраменко – участник первой мировой, отец на вторую ушел.

...Как вся деревенская ребятня, Иван и Клавдия с детства к труду приучились. И к людскому дружному обращению тоже. Дружно жить понятие спасительное. Когда до войны остались ребяташки Даниловы сиротами, без отца-матери, детей разобрали по семьям. И ведь всех выкормили!

Война навалилась на детские плечи тоже.

« Дед- сосед придет к матери и просит: «Аринка, дай мне Ваньку, хоть на возу постоит – все помощь»... А потом лобогрейки, быки... Так и пошло»,- вспоминал Иван Кириллович.

Забавы кончились и для меньшей ребятни, которая любила цепляться за проходящие через поселок подводы. Кому-то запомнился первый учитель в Шишиках Ф. Ф. Бобровский, а вот Анне Афанасьевой (Анне Степановне Громыко) запомнилась Полина Михайловна Попова, с которой ходили после уроков собирать лекарственные травы: солодку, валериану, мать-и-мачеху... С которой шелушили руками метелки проса на полосе под первым снежком. Видя, что ребяташки крадучись, пшено в кармашки берут, сказала: «А вы возьмите сумочки, маме тоже сколько-нибудь отнесете».

Такое не забывается. Такое думать о многом заставляет.

Любопытная ребятня встречала первых фронтовиков. Казах Ильчаков, без ноги, им улыбнулся, протягивая запыленные кусочки сахара: «Вы, наверное, мне рады». Еще бы первая сладость за два военных года! И Николай Артамонов угостил. Большой фронтовик вскорости умер, а выросшие и уже состарившиеся его помнят. Как и в целом ту атмосферу теплоты изработавшейся, усталой деревушки-матушки... Никого не отталкивала, несмотря на голод, бедность.

Военной осенью прибыли в Шишики семьи репрессированных немцев.

Распределили кого куда, а есть-то нечего. Пошли они по выкопанным огородам оставшиеся картошины искать. И никто не отнимал добычу. Когда, отрывая от детей, направляли куда-то далеко на работу матерей, немецкие ребяташки находили приют в большой деревенской семье, отнюдь не богатой на провизию... Только одного Колю Первушина в детдом определили за всю войну.

Какими шушунами грели Шишики своих детей, что им шептали, успокаивая? Сколько молитв старушек звучало с просьбой об урожае и здоровье?

Из 22 семей погибли 26 кормильцев. А послевоенный колхоз все считался среди лучших: так вместе с вернувшимися бабы и подростки тянули. Пришедший с войны Степан Федорович Афанасьев председателем строгим был. Кстати, начало озеленения дворов его инициатива.

«Путь к социализму» никуда не привел. В 60-х годах Шишики, объявленные неперспективными, стали пустеть. Из старых домишек с прохудившейся кровлей, переселялись кто куда. Чета Абраменко в Лобино, где до пенсии в хозяйстве работали.

Послужила деревушка, сохранила, вырастила два поколения в лихолетье. Дала на дорогу человечность, доброту, трудолюбие. И, как знать, будут ли счастливы правнуки переселенцев без этого маленького причала...

### **З.И. Безызвестных.**

#### **УРЮПИНО.**

##### ***Фото №15. семья М.Т. Морозова***

Этому поселку нынче исполнилось бы 100 лет.

Жительница р.п. Краснозерское Екатерина Михайловна Кислицина (1929 года рождения) вспоминает, что ее отец Морозов Михаил Тарасович перевез в Урюпино семью от голода из Здвинского района. Это было в 30-е годы.

Она помнит фамилии местных старожилов – единоличников: Шубин Григорий с женой, Степануха Макар с женой Анастасией, Терентий Степовой, братья Громенко, Кирилл и Прокопий. К тому времени они уже были пожилыми людьми. В поселке была одна улица на 40 дворов.

Дома в основном - пластанки, хороший дом первый был построен в 50-е годы Бершанскому Дмитрию Тихоновичу.

Колхоз назывался «Герой труда», его председателем был Павел Артемович Бессараб. Когда соединили с Бабушканом и Кызл -Ордой, председателем был Гречко, а главным бухгалтером – Тетушкин.

В 1953 году Екатерина Михайловна вышла замуж в Доволенский район и вернулась с семьей в Урюпино, когда оно вошло в состав Колыбельского совхоза. Это уже был целинный совхоз, в него входили Павловка и Локтенок. Для целинников построили несколько деревянных «финских» домов. Сама всю жизнь проработала с овцами: сакманила, акушерила, стригла. И так до 1979 года, до пенсии.

Родила шестерых детей, детского сада в деревне не было, через месяц после родов выходила на работу. Детей оставляла дома одних, они друг друга нянчили. Сама прибегала на короткое время домой, успевала только их обмыть да покормить, а сама на ходу кое-как или никак.

В совхозе в то время было очень много овец, до 11 тысяч голов.

Для ухода за ягнятами людей не хватало, их привозили на время сакмана из Локтенка. Знатными чабанами, известными в районе были: Маххамбет Иван, Ставицкий И.И., Сыздыкова Екатерина, Остапенко Андрей, Гец Анисья и Петр (муж и жена).

Начальная школа в поселочке была, учительницей долгое время работала Клавдиева Мария Степановна.

#### **Об авторах этого сборника.**

Зоя Ивановна Безызвестных родилась 25 октября 1946 года в селе Гербаево Краснозерского района. По образованию она ветеринарный врач, 19 лет проработала по специальности. С 1984 по 2001 год в редакции газеты «Краснозерская новь» работала заведующей отделом писем и сельского хозяйства.

Данные материалы были напечатаны ею в родной газете в первые годы нового века под рубрикой «Родинки сел». Они – то и стали основой для этого сборника.

Находясь на заслуженном отдыхе, написала большую историю родного села Успенка, в котором осталось уже несколько дворов.

Пишет замечательные стихи, автор поэтического сборника «Отцова ладонь». После него ею написано много новых стихов, каждое из которых находит отклик в читательском сердце.

## РОДНЫМ

Просто в разлуке мы, милые,  
Просто меж нами погост.  
Необъяснимыми силами  
Связь протянулась меж звезд.  
Каждую слушаю зореньку:  
Может, чего передаст.  
Я заложила часовенку  
В сердце своем для вас.

Николай Михайлович Карнаухов, пенсионер и старожил села Полойка, краевед, автор истории села Полойки.

Вера Николаевна Свириденко, краевед, песенница и вышивальщица, автор рассказов о сельских жителях. Ее уже нет в живых, но она всегда с нами и мы, музейщики, постоянно пользуемся ее материалами в своей работе.

Николай Волошин – журналист, начинал в нашей районной газете «Кулундинская правда». Много лет работал сотрудником и редактором газеты Кочковского района «Степные зори». Сейчас он пенсионер, проживает в Кочках.

Хорошим подспорьем к материалу по истории их родного поселка были фотографии садоменцев, представленные Е.Н. Сапруновой, да и ее воспоминания пришлось кстати. За это ей огромное спасибо.

Хочется также выразить слова благодарности и уважения старожилам поселка Старый Баганенок, которые, организовав встречу земляков в 2007 году, установили на месте их родины памятный крест, а в 2008 году здесь ими была поставлена своеобразная часовня, которую освятил настоятель Краснозерской церкви Алексей Лебедев. Хочется думать, что этот замечательный почин баганенцев, повторится в нашем районе не один раз и тем самым может еще на многие годы сохраняться, хотя бы, кладбища этих поселков, куда можно приехать и поклониться земле своих предков.

Эти стихи написаны участницей этой встречи, состоявшейся в 2007 году, Верой Ивановной Оксененко:

### ***Баллада о Старом Баганенке***

Был поселок замечательный в России.  
Нет теперь его на карте, не ищите,  
А поля вокруг тихи и так красивы!  
В песнях воспевать их поспешите.  
Нет селенья, нет домов – сады остались,  
Огороды разнотравьем заросли.  
Приходите в гости, а природа  
Здесь смородиной, грибами угостит.

В невысоких берегах река степная –  
Баганенком называется она.  
А по берегам растет трава густая –  
Карасями та река полным-полна!  
У реки собрались все односельчане –  
Повстречались люди разных поколений.  
Заново знакомились за чашкой чая,  
Набирались разных впечатлений.  
А у кладбища теперь стоит часовня,  
Крест поклонный, поклонись ему проезжий.  
И есть дружные сельчане, что сегодня  
Всей душою с малой родиной, как прежде.  
Пусть земля кормить нас продолжает,  
Ведь не зря ее кормилицей зовут,  
И погост родные навещают,  
Памятники ставят там и тут.  
С Божьей помощью деревня возродится,  
Люди снова обживут места родные.  
Будем малой родиной гордиться,  
Земляками сердцу дорогими!

*Фото №20. Освещение часовни на месте п. Старый Баганёнок.*

**Крутей Л.В.**, директор Краснозерского художественно – краеведческого музея.